

Литературный журнал

Г

решская

В

везда

XXXII

30.11.2015

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ

- МАРЬЯМ РАВИЛОВА Живописная прогулка к аэродрому 3
- ОЛЕГ ФАТХУТДИНОВ Поплыли! 4
- ОЛЬГА ФЕР Зона отчуждения 5
- АННА МИР Опасное это занятие - откладывать дела на потом 6
- ЕЛЕНА НИХОТИНА Упавший с Юпитера 7
- АЛЕНА ГЕРШФЕЛЬД Ангина 8
- КАТЯ ИВАНОВА Сказка о маленькой Кобре 9
- ИРИНА СТАРИЦЫНА 48 минут 10
- ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Единый и Единственный 11
- о. ИОАНН ТУНГУСОВ Вера и Россия или Настя, Ползи! (повесть) 12
- ПЕТР ЦЫПЛАКОВ Осенний витраж 15
- ЛАНА АЛЛИНА Эти старые московские дворы... 16
- ГРИГОРИЙ ХАЙТ
- О вреде американских улыбок и пользе русской водки 17

Оформление журнала - Святополк

Редакционная коллегия журнала приглашает авторов к сотрудничеству

- Принимаем на рассмотрение прозаические и поэтические работы любого объема с их дальнейшей публикацией на страницах журнала «Чешская Звезда».
- Осуществляем публикацию и помощь в реализации книг на территории Чешской Республики и Евросоюза.

Телефон редакции: **+420 353 223 292**

Электронные почты:

nick@czechskazvezda.net

czechskazvezda@seznam.cz

Адрес для почтовых отправлений:

Vítězná 37/58, Karlovy Vary, Drahovice 360 01 Česká republika

Адрес редакции:

Horova 2017/12, č. k. 219, Karlovy Vary, 360 01 Česká republika

По вопросам размещения рекламы обращаться по телефону: **+420 353 223 292**

или по электронной почте: sklenny.mustek@seznam.cz

Лето выдалось очень жарким. На небе не было ни облачка, яркое солнце беспощадно пекло.

По пыльной дороге шли двое молодых людей – студент академии искусств и библиотекарь. Студент шёл легко, глядя прямо перед собой. Его друг немного отставал; он судорожно вцепился руками в лямки рюкзака, висевшего за спиной, и, нахмурившись, смотрел себе под ноги.

Сначала пейзаж вокруг них был пустынным, лишь жалкие колочки торчали из земли. Такая однообразная картина порядком надоела библиотекарю. Студент заметил это и приободрил его:

– Здесь скучновато идти, зато потом нас ждёт много интересного!

– Да, да, всё в порядке, – пробормотал его друг, глубоко вздохнув.

Постепенно местность изменилась: дорога шла в гору, по обеим её сторонам появились деревья с разноцветными листьями. Путники шли теперь в их тени.

– Посмотри, какое буйство красок! – воскликнул студент. – Мне хочется это нарисовать. Подожди.

И он достал из своего рюкзака карандаши и лист бумаги и лёгкими движениями стал делать зарисовку. Его спутник стоял, озираясь по сторонам в поисках места, где можно было бы присесть, но не нашёл.

– Всё, можем идти. По-моему, получилось неплохо.

– Меня удивляет, как тебе удаётся так быстро и красиво рисовать, – сказал библиотекарь.

– О, это дело привычки!

Дорога привела друзей в деревню. Каждый дом, увиденный ими, был причудливо украшен декоративной мозаикой и пёстрыми изображениями. Библиотекарь просто с интересом осмотрел несколько домов, а студент пришёл в неописуемый восторг. Он переносил увиденное на бумагу, увлечённо беседуя с жителями деревни.

В ожидании товарища библиотекарь стал играть с пушистым щенком. Вскоре щенку это надоело, и он улёгся под ноги своей хозяйки. А студент продолжал рисовать, и его другу пришлось тихонько сесть на скамейку. Он радовался, что появилась возможность отдохнуть. Но не прошло и пяти минут, как студент убрал свои карандаши и рисунки, сердечно распрощался с новыми знакомыми и сказал:

– Нам пора, дружище.

Библиотекарь нехотя поднялся и поплёлся дальше.

– В современном мире любую информацию, будь то фотография, карта или книга, можно найти, не выходя из дома, – сказал он.

– Но видеть всё самому гораздо интереснее, – возразил студент. – Это так захватывающе!

Перед друзьями простёрлось лавандовое поле. Они остановились и заворожённо им любовались. Потом студент снова достал свои карандаши и начал рисовать. Библиотекарь поспешил предупредить друга о том, что на поле водятся змеи и скорпионы, на что тот ответил, что им необязательно идти дальше прямо по полю, ведь есть дорога, которая его огибает. По ней друзья и пошли спустя некоторое время, когда был готов рисунок.

Они подошли к старинному аббатству. На вид каменное здание было простым, но величественным. Путники с благоговением во-

шли во двор и прошли по нему до дверей церкви, где их встретил монах. Они расспросили его об аббатстве. Оказалось, что оно было основано в раннем средневековье. Монах показал гостям церковь, лавандовое поле, фруктовые и оливковые деревья. Затем путников накормили хлебом с маслом и дали с собой воды.

Друзья продолжили свой путь. Библиотекарь заметно повеселел. Он шагал, насвистывая и подпрыгивая. Студента это позабавило.

– Приятно видеть тебя таким, – сказал он.

– Хороший отдых, пусть и недолгий – вот в чем секрет, – подмигнул ему друг.

Они отошли достаточно далеко от аббатства и попали в небольшой городок. Дома стояли настолько близко друг к другу, что улочки были совсем узенькими. На главной площади располагался фонтан. Путники кинули в него по монетке и присели отдохнуть.

– Вот я бы сидел здесь и целыми днями рисовал, – мечтательно сказал студент. – Тут прекрасные виды. Можно сразу нарисовать большую картину, а можно каждый элемент поместить на отдельное полотно. И каждый раз это будет выглядеть по-новому, несмотря на то, что всё кажется однообразным, потому что новый день не похож на предыдущий. Ты согласен, друг мой?

– Безусловно, это так, – кивнул библиотекарь. Он разглядывал всё, что его окружало – фонтан, летние веранды многочисленных кафе, цветочную лавку. Мимо проходили семьи с детьми, почтенные пожилые пары, серьёзные мужчины в деловых костюмах, юные девушки, компании подростков. – Слушай, кажется, что городок небольшой, а сколько людей тут живёт, – продолжил библиотекарь. – Я найду книгу, где есть информация об этом городке, очень уж он меня заинтересовал.

– Ты основательно подходишь к делу, – сказал студент. – Предлагаю пойти дальше.

Они прошли по сувенирным лавкам, купив кое-какие мелочи для родственников и друзей, пообедали в кафе и отправились в музей, который, к их удивлению, был даже в таком небольшом городе. Там выставлялись предметы городского быта, в том числе утюги, швейные машинки, электрические водонагреватели, сосуды для масла, серебряные ложки, подсвечники необычной формы и многое другое.

Студент был немного разочарован тем, что в музее не было картин. Но, когда друзья вышли оттуда, он заметил неподалеку картинную галерею и чуть ли не бегом направился туда. Библиотекарь поспешил за товарищем. Галерея оказалась небольшой, она занимала всего одну комнату; посетителей не было, и только старушка-смотрительница дремала в углу. Друзья разбудили её, заплатили за вход и принялись изучать картины.

Когда они закончили осмотр и вышли на улицу, солнце клонилось к закату. Библиотекарь пошёл искать такси, а студент торопливо рисовал виды города. Вскоре друзья уже ехали к аэродрому. По дороге студент показывал товарищу сделанные им за день рисунки.

На аэродроме их ждал небольшой серебристый самолёт. Они сели у окна. Библиотекарь сразу уснул. Студент долго наблюдал, как уменьшаются дома, постепенно превращаясь в светящиеся точки в темном пространстве. Потом он задернул шторы и тоже заснул.

Олег Фатхутдинов

Поплыли!

И вот наконец то долгожданный посёлок Усть – Койва! Сколько радости в моём, что только не пережившим за эти два дня, сердце! Сейчас причалим к берегу, разберём этот чёртов катамаран и будем ждать "Газель", которая должна приехать за нами с минуты на минуту. Больше я на этот сплав ни ногой, ни рукой, ни ещё какой-нибудь частью тела. Я ещё себя в зеркало не видел. Может уже как лунь седой. Хотя мои попутчики (не поворачивается язык их даже товарищами назвать) мне бы наверное сказали про мои белые кудри. Ну да ладно! Главное - жив! Хотя и не совсем здоров. Я ведь ещё каких то пару дней назад также радовался приглашению сплавиться по Уральской речке Койва дружной компанией с ночёвкой. Под приглашением подразумевалось всё: и любованье горными пейзажами Среднего Урала, и распитие спиртосодержащих напитков под шашлычок, и танцы при луне ну и всё остальное, что выльется из всего перечисленного. Да и не сплавлялся я уже по рекам лет десять, забывать стал что это такое. Набралось нас, таких аргonautов, человек восемь, включая меня, конечно. Не густо, но и не пусто! Я поначалу пожалел, что многовато напитков для веселья взял. Да нам, восьмерым, одного только моего заветного рюкзачка хватит что бы упиться в хлам. Да я и не удивлюсь если каждый из нас не прихватил такой же вот чудо-рюкзак набитый весельем. Ну да не на один день плывём, а на природе, на свежем воздухе и аппетит что надо да и что не выпьем то дома допьём. Нет, нет! Вы не подумайте, я не алкоголик! Просто как мне ещё наводить мосты общения с той половиной нашей честной компании если ты её, эту половину а именно четырёх человек, раньше совсем не знал. Обидно было то, что из всей нашей восьмёрки была всего одна женщина, да и то жена нашего механика Митрича, который ревновал её ко всему живому и бдил за ней и днём, и ночью. Естественно он тоже плыл с нами. Вот мы и добрались до минусов. Танцы при луне отменяются! Да и рюкзак с напитками можно было смело разгрузить наполовину, теперь таскайся! Вторым минусом стал для нас дождь. И начался он именно тогда когда мы уже отчалили от берега и дружно запели песню «Не кочегары мы, не плотники». Почему эту? Сам не знаю. Запел первое, что пришло в голову. Остальные подхватили. Все, кроме Серёги, грузного детины кило за сто. Тот затянул совсем другое – «Ты морячка. я моряк». В тему, кстати. Этого Серёгу я раньше знать не знал. Откуда он вообще взялся на нашу голову и на мою, в частности, я пока выяснить не стал, во первых я выпил всего лишь рюмаха, а во вторых – ну поёт себе человек, никого не трогает, а может он тоже так же как я давно по рекам не плавал. Наверное он кузнецом работает – почему-то подумал я глядя на Серёгины руки -лопаты. Веслом он управлялся - одно загляденье. Его одного на нос катамарана посади и пой себе сколько душе угодно. Пой и пей!

А дождик, который видно решил стать девятым членом нашей команды, всё лил, не понимая что нам он и даром не нужен. Хотя, если бы я ждал, что меня ожидает впереди, то лучше бы согласился только на дождь и ни на что больше, в частности ни на этого певуна Серёгу, который нет что б грести как все, начал всё чаще нырять в свою котомку, а его лицо после каждого ныряния становилось всё краснее и краснее.

Вскоре дождь, поняв, что он тут лишний, и мы перестаём обращать на него внимание, отстал и мы, радуясь блеснувшему в небе лучику солнца, решили причалить к берегу, развести костёр и обсушиться. И тут началось самое интересное. Этот бугай Серёга, не успев вступить на сушу, крякнув что-то себе под нос, вдруг

рухнул в высокую мокрую траву как подкошенный и... захрапел. К нему тут же подскочила жена нашего механика и усевшись на Серёгу верхом стала его тормозить, ласково называя его Сергуней. Вот уж чего-чего, а такой заботы о постороннем человеке я от неё не ожидал. Но как потом оказалось это был её двоюродный брат. Вот от куда значит Серёга оказался на нашем судне.

– Ну, что рты разинули? – бросила нам Людмила, так звали жену Митрича, – Тащите его к костру, не будет же он тут лежать мокнуть, ещё воспаление лёгких схватит.

Тебе надо ты и тащи – хотел было сказать я, не представляя как мы вообще потащим эту кучу мяса и сала. Пить не умеет, сидел бы дома. Как он ещё с катамарана не навернулся. Хотя, как я позже узнал, этот Серёга раньше служил на флоте и чувствует себя на воде под воздействием горячительных напитков превосходно, но как только ступит его нога на землю и всё, волшебство кончается, ноги подкашиваются, и лихой моряк превращается в полугодовалое дитя, которое на ногах стоять ну ни как не может.

– Может его из ведра охолонуть? – предложил я, – Очнётся, сам до костра дойдёт.

– Вы в своём уме?! – воскликнула Людочка, – А если бы вас вот так, холодной водой из ведра? Тащите его к огню, говорю.

«Вот чёртова баба!» – сплюнул я сгоряча, но посмотрев на механика Митрича вздохнул, уж больно много добра он мне сделал что бы кочевряться в такую минуту.

– Ну что, потащили? – оглядел я наших попутчиков, прочитав в их глазах неуверенность и нерешимость. Никто больше не возражал и Серёга, похрюкивая, медленно пополз к костру, с нашей непосильной помощью, конечно.

Место, где мы остановились, показалось нам идеальным для ночёвки, и мы решили разбить тут лагерь. Поставили палатки, собрали пластиковые столы, накрыли " поляну", так сказать, и стали культурно отдыхать.

А Серёга наш всё спал, мирно похрапывая. Я его даже своим одеялом укрыл, а Митрич поставил ему отдельную палатку.

Так незаметно подкралась ночь и все, пьяные и довольные, разбрелись по своим палаткам. Я, сладко зевнув и подложив ладони под голову, задремал.

Проснулся я ночью и сразу же понял, что что то тут не так. Я почему-то никак не мог повернуться на другой бок, а поворачотаться я люблю, судя по скомканным одеялам и простыням на моём любимом диване. Рядом кто то лежал и мирно посапывал. Я нащупал в кармане палатки свой сотовый телефон и включив фонарик направил его на спящего. Я если честно даже не удивился увидев развалившегося по всей палатке Серёгу.

– Откуда ты взялся только на мою голову! – пробурчал я и хотел было растормозить эту гориллу, но глянув мельком на его руки – кувалды и вспомнив знаменитое – Меня будить! – из сказки, решил Серёгу не трогать а идти досыпать в его палатку. Но поспать опять не пришлось.

– Выпить есть чего? – раздался надо мной знакомый голос. Я вздрогнул, открыл глаза и зевнув сказал Серёге:

– Пошёл к чёрту.

– Чего? – нахмурился Серёга.

– Нету, кончилось, – поправился я и повернулся на другой бок.

– Запомню, – пробасил этот лунатик и скрылся в проёме. Мне даже на время спать расхотелось.

Наутро меня ждала новость. Серёга пропал!

– Вы его по кустам пошарьте! – посоветовал я, – Опять навер-

ное нарезался и валяется где нибудь в траве. Тем более, он мне ночью спать не давал, выпить просил.

– И ты дал? – с укором спросила Людмилочка, подперев бока кулаками.

– Конечно, нет, – ответил я и тут же хлопнул себя ладонью по лбу и бросился к своей палатке. Моего заветного рюкзака на месте не оказалось. Нашёл я его пустым за палаткой Митрича.

– Вот Синевот Иванович! – негодованию моему не было предела, – Мало того, что он меня наглým образом грабанул, так теперь ходи ищи этого моремана.

Мы разбились парами и пошли прочёсывать лес. Серёгу мы нашли быстро. Нас, меня и моего напарника, кто то робко окликнул с высокой и толстой, в три обхвата, ели.

– Мужики! – донёсся до нас писклявый голос. Мы подняли головы.

– Ты как туда забрался? – спросил я Серёгу, удивляясь больше тому как он вообще такой грузный залез на дерево.

– Мужики, осторожно! Здесь рысь ходит. Здоровая! Злая! Меня, вот, на дерево загнала.

Я усмехнулся.

– А по деревьям рысь по твоему не лазит? Пить просто надо меньше.

– Рысь это была, точно говорю.

Серёга начал спускаться с дерева. Сильный треск ломающихся веток и.. Серёга валяется на земле и орёт:

– А-а! Я кажется ногу сломал!

Ну и как это называется? Опять этого бугая на себе тащить? Как он мне надоел!

– Все сюда! – закричал мой напарник, – Мы его нашли!

Серёгу тащили до берега часа два. А тот при малейшей боли в ноге орал на нас благим матом и просил выпить самым наглým образом. Потом уже, на берегу, он, замахнув рюмаху, рассказывал нам, как он ночью пошёл облежаться и как из чащи вынырнули два светящихся глаза и погнались за ним. Почему он решил что это была именно рысь, осталось для нас загадкой.

У меня же, после постоянного таскания Серёги, спина и руки болели так, что не было сил даже грести веслом.

А Серёга опять пел.

– По морям, по океанам..! – голосил он.

Больше никто не пел. Скорее всего остальные чувствовали то же самое, что и я. Да и все наши запасы водки ушли на потребности нашего орангутанга, который иногда постанывал и просил выпить, чтобы унять боль в ноге. Опустошив все наши запасы, он закатил нам такой "концерт", что было уже не решили снова причалить к берегу, но вспомнив, что случается с Серёгой, когда его нога вступает на землю, решили плыть до конечной нашей точки путешествия – посёлка Усть – Койва. И когда вдалеке показался посёлок мы стали радоваться как дети. Не радовался один Серёга, не понимая нашего всеобщего веселья. Но когда Людмилочка ему сказала, что выпить больше нечего, то он тоже стал радоваться вместе с нами. Ведь раз есть посёлок, то есть и магазин, где можно купить горячительного. Но только Серёга вступил на землю как его повело в сторону, и он опять повалился всей своей тушей, на этот раз на прибрежную гальку.

Затаскивали Серёгу в "Газель" чуть ли не всем посёлком. Теперь я знаю наверняка, я ещё не скоро отправлюсь в плавание, пусть и не далёкое, но такое опасное.

Ну, за сплав!

Посвящается годовщине Чернобыльской трагедии

Он жил на этом безжизненном просторе со своей Белочкой. Белочкой называл маленькую беспородную собачку, похожую по цвету, хвосту и запасливому характеру на белочку.

Он был старый. Он так думал. Он знал это, но точно сказать, сколько ему лет не мог, не помнил и уже не знал. Здесь время остановилось и зависло. И Белочка давно перестала быть собачкой по сути. Она сама искала себе пищу и воду. И возвращалась всегда в новом облике. То с мордочкой лисички, то с хвостом волка, то с оскалом крокодила. Но эти превращения не мешали ей оставаться доброй и верной. Она всегда возвращалась к Нему.

Он давно не был привередлив. Давно не был. Время его остановилось, и ему давно было все равно что, когда и сколько есть и пить, или не есть и пить совсем.

Время остановилось на той точке, когда произошел взрыв. То была ошибка пилота, нажавшего пусковую кнопку настоящей ракеты вместо учебной, пустой.

В Тот день Он копал картошку, а Белочка помогала ему, выковыривая червячков и играя с ними. Нет, не было того как описывается в книжках. Не было ни огненного столба, ни громадного ядерного гриба, ни лучевого урагана, сметающего все на своем пути. Ничего этого не было. Просто наступила необычная тишина и, стих ветер. Тишина до звона в ушах. Тишина до страха собственного голоса. Он онемел, ибо, если человек говорящий не слышит сам себя, он не может говорить. Он услышал бы себя, но Он боялся этой тишины.

Белочка куда-то запропала. Червячки, ею найденные, тоже молчали, а потом... стали пищать! Он в недоумении оглянулся. Писк не прекращался. Он понял откуда исходил звук, но Он не понимал, как эти немые твари могли подавать голос.

Белочка где-то потерялась...

Небо стало везде. На нем на одной параллели лежали 4 солнца, две луны и несколько незнакомых планет с множеством колец, напоминающих спрутов с соединенными щупальцами.

Кто-то тронул Его за ногу. Он посмотрел вниз. Рядом стояла Белочка, положив лапу ему на колено.

– Не бойся. Мы живы. Хотя и... другие... теперь.

– Белочка!!! Ты же собачка! И почему ты ТАКАЯ БОЛЬШАЯ!??? – прошептал Он одними губами.

Белочка улыбулась и... исчезла.

Он не знал сколько прошло времени с Тех пор. Белочка то появлялась в необычном виде, то исчезала. Он копал, сажал свою картошку, собирал урожай, повторял все снова. Время шло, но как оно шло, Он не знал. Он не понимал, когда приходила ночь, когда начинался день. Время остановилось, но оно как-то менялось.

На этой пустынной земле попадались разные существа. Они были и не животные и не птицы. Порой, само существо не знало как себя вести, так как не понимало, чем себя ощущает. Попадались и странные на вид люди, по сути оказывающиеся вовсе не людьми, а животными, злобными, с хищническими повадками. А, на вид звери, оказывались мужчинами или женщинами, человеческими и добрыми.

Иногда на пустынную землю приходили люди, похожие на людей, на тех людей, из "прошлого". Сначала их было мало, но миграции увеличивались и увеличивались. Пустынная земля не была Раем, но люди шли и шли. Здесь они менялись, для них время тоже останавливалось.

А где-то был Старый мир. Оказывается, оставался. Знакомый, жестокий и разный; с одним солнцем, с одной луной, с узким недосыгаемым горизонтом. Там все было по-прежнему. Там остались привычные люди, обычные растения и животные. Привычный Мир.

А были ли Там, в Старом мире люди счастливы так, как счастливы на этой пустынной Земле? Так же счастливы, как Он и его Белочка?

Пальцы с безмятежной привычностью скакали по клавиатуре, а остальная я как всегда была по макушечку погружена в собственные мысли, жадно смешивающиеся с мыслями из рунета. Ниагара информации. Все так интересно..Фразочку оттуда – тыц, а там чего..Не, фигня, вот я лучше это почитаю. Ах вот так ты со мной, да?! Типа дерзкий, да? Щас я тебе отвечу, паразит!

Я написала достойное (субъективно) сообщение: в меру злое, старательно, в силу возможностей, удержанное от женских эмоций-кружевных соплей. «Отправить». Что-то с клавиатурой, ерунда какая-то. Ну-ка еще раз – клац. Да блин! Клац-клац-клац! Черт!! Не отправляется! Вообще не отправляется! Как будто клавиатура не работает, хм, странно, вот лампочка-то горит, зелененьким..Да нет, точно живая "клава", регистры переключает. Что за ерунда. Я жму и жму на эту чертову кнопку «отправить», да что ж такое.

Раздражение плещет наружу и желает грохнуть клавиатурой по столу. Ой. А она не берется. ОНА НЕ БЕРЕТСЯ В РУКИ. Мои руки, вот эти вот, пальцы, которые только что набирали буквы, проходят сквозь кусок пластмассы как воздух сквозь мешковину.

Я ничего не понимаю. Это сумасшествие, что-ли? Я в кино про привидения попала? Хаха! Ой. Нет, не смешно. Потому что бросаюсь к двери и не могу ее открыть. Хочу выпить воды, но чашка не берется! Меня нет! Телесной оболочки – нет! То, что я вижу – это моя память, фантом. Меня никто не услышит, потому что нет голоса – ведь горла же нет. Костей, мяса, жил, нейронов, электро-химических реакций – нет! Остался только энергетический сгусток, неизученная субстанция, то, что в народе принято называть духом. Подождите, а как же клавиатура? Я ж только что серфила? Отчетливо понимаю вдруг, что это – виртуозная подмена реальности моим воображением. Это мне казалось, что необходима клавиатура для прогулок по интернету, и что я ей пользуюсь. Она мне не нужна. Дух там путешествует без дополнительных девайсов.

Спокойно. Не психуется. Странно даже, не интересно, что-ли? Ни завопить, ни тарелку расколотить. Я оказалась заперта в помещении. На каком-то очень высоком этаже. 28-й, по-моему. Могу легко шариться по и-нету, но только в режиме чтения. Но мне надо сказать..Мне надо срочно сказать! Ведь мне надо очень срочно сказать ему, что я его люблю, я же так и не сказала! Точно, ведь он не знает, а я не сказала, а обязательно, обязательно-обязательно надо сказать! Кровь из носа (откуда кровь, и где же нос?), но сказать-то надо!

А как же я это сделаю, меня лишили возможности сообщить в мир хоть что-нибудь.. Какое странное, удивительное, незнакомое и безысходное чувство. Можно мучиться непониманием, нераз-

деленной любовью, одиночеством..Можно быть слепым, глухим, немым! Но оказаться в полной изоляции, прозрачном непроницаемом куполе, лишившись телесной оболочки – я не могу передать свои мысли куда бы то ни было! Никак вообще. Понимают ли меня, любят ли меня, насмеются ли .. да люди попросту НЕ ЗНАЮТ, что я есть! И показаться я НЕ В СИЛАХ! Как странно. Ведь ничто, буквально ничто не предвещало. Я не могу больше социально существовать – нечем. Нет ответа, не могу заставить энергетика отражаться от других и возвращаться ко мне, потому что люди – это плоть, а я – бесплотна. Мой дух вне тела, какого угодно несовершенного, бессилён. Почему ж раньше-то не сказала ему, почему я решила, что такая возможность есть и будет всегда? А сегодня ее больше нет, и как же теперь, ведь непременно должна сказать!

Точно знаю, он на первом этаже. Он там, и даже не догадается, что я – здесь, не могу выйти, не могу спуститься, позвать, позвонить. Но такого быть не может. Не может такого быть. Раз я бестелесна, значит должна уметь проходить сквозь стены. Сквозь пол. Я должна к нему попасть. Однозначно.

Что-то всплывает в памяти смутное, какая-то уверенность, что я это умею – плавно пройти сквозь перекрытия вниз, на первый этаж. Надо лечь плотно к полу, сосредоточиться изо всех сил и расфокусировать взгляд. Как при разглядывании стереокартинок. Ложусь (память не может отказаться от фантомного присутствия тела, я именно ложусь на пол, прижимаюсь к полу и чувствую под собой деревянные планки. Мастерски получается расслаблять глаза и смотреть как бы в никуда, этому я еще в больнице научилась, давно. Нет, не выходит. Сильнее надо. Верить надо. Да точно получится. Сейчас, я еще раз попробую. И еще. И еще. Ну он же там, а я – здесь. И ни позвонить, ни написать.

И я его вижу. Вот он сидит, я его вижу! Блин, а толку-то?! Ведь он-то все равно меня в упор не замечает! И не слышит, и не чувс..Я в панике хватаю ладонями его руки, он поднимает голову от своей писанины. Он смотрит прямо на меня! Послушай, я тебя люблю! Я ТЕБЯ ЛЮБЛЮ! Ты не слышишь меня, да? Нет, не слышит! Колочу бесплотными ладошками по его рукам – да послушай же меня! Да что ж это такое, ну что ж я раньше-то, а как же теперь-то! Все думала, успею, все некогда было?!..И он вдруг улыбается и ласково так:

– А я знаю. Я ж знаю, что ты меня любишь. Ну чего ты так напугалась-то, вот глупая, а. Смотри, я сейчас научу тебя азбуке Морзе. И ты сумеешь разговаривать со мной, выстукивая пальцами по моей руке. А нагуглить эту азбуку ты всегда в и-нете сможешь, для этого тебе плоть не нужна..

И я прилежно и старательно отбиваю по его руке: точка-тире-точка тире..тире..точка..тире..точка..точка-точка-точка..И просыпаюсь.

ЕЛЕНА НИКОПИНА

УПАВШИЙ с Юпитера

Это случилось тихим летним вечером, когда первые звездочки стали появляться на небосводе, а вслед за ними выкатился огромный серебристо-желтый лунный шар, освещая окружающий мир мягким таинственным светом.

Баба Вера возвращалась от своей закадычной подруги Нюры. Не смотря на то, что ночь была лунной, Вера Осиповна подслеповато семеняла по неровной сельской дороге. То и дело спотыкаясь, она выставляла вперед по-старчески кривоватые руки. Она прошла половину пути, теперь ей оставалось преодолеть небольшой подъем, разделявший деревеньку на две части. Баба Вера была набожной старушкой, всякий раз наткнувшись на дорожную яму, она не останавливаясь крестилась по три раза, приговаривая при этом:

– Свят, свят, свят.

Про себя она поругивала свою подругу за то, что та задержала ее допоздна своими байками, а с другой стороны и самой уходить не хотелось. Одинокая старость гнала их друг к другу, объединяла воспоминаниями о прошедшей молодости.

Баба Вера потихоньку стала подниматься на пригорок, уже виднелся край ее избы, и светилось приветливо оконце – она специально оставила свет включенным, чтобы подходя к дому, ощутить тепло и уют, согревающие душу и отгоняющие прочь одиночество.

Сделав еще несколько шагов, она споткнулась в очередной раз, но теперь обо что-то мягкое. Едва устояв на подкосившихся ногах, она в испуге отскочила в сторону с такой скоростью, которой позавидовала бы любая молодая девчонка, и наспех перекрестилась, причитая:

–Свят, свят, свят! Свят, свят, свят!

В ответ послышался тихий приглушенный стон. Он был таким тоненьким и жалобным, что сердце бабы Веры невольно сжалось от сострадания, и страх пропал.

В темноте она нащупала лежащий на земле комочек. Это был ребенок, совсем маленький. Он лежал на боку, согнувшись калачиком, и стонал. Баба Вера запричитала:

– Господи, что же это. Это ж дитя. Ой, ой, ой. Сейчас, сейчас я тебя подниму, – и с неизвестно откуда взявшейся силой и проворностью подняла стонущего ребенка и понесла в дом.

Войдя в освещенную чистенькую избу, устланную домоткаными дорожками, она положила ребенка на тахту и не могла поверить в реальность происходящего.

Мальчик на удивление быстро пришел в себя, уселся легко и проворно, опираясь спинкой на обитую ковром стену.

Он посмотрел на свою спасительницу благодарным не по-детски пронзительным взглядом. Его небесно-голубые глаза лучились, испуская мягкий голубоватый свет.

Баба Вера хотела спросить, все ли с ним хорошо. Но не успела открыть рта, как в своей же собственной голове услышала ответ:

– У меня ничего не болит. Спасибо за вашу доброту.

Она поняла, что они общаются друг с другом мысленно. Для нее это было очень странным, но ей совсем не было страшно. Она

почему-то почувствовала огромную ответственность за этого ребенка. Ей очень хотелось вернуть его туда, откуда он пришел.

Мальчик рассказал, что попал в их деревню совершенно случайно. Он упал с другой планеты. Провалился в наше земное измерение во время эксперимента своего отца. Отец строго-настрого запретил ему находиться в лаборатории при проведении опытов. А он послушался и не знает, как ему попасть обратно. Он знает только что для того, чтобы переместиться с одной планеты на другую, не нужны космические корабли. Надо всего лишь определить направление эфирного вихря и создать магнитное поле с необходимой частотной вибрацией. Потому что у каждой планеты своя вибрационная модель.

Удивительно, но баба Вера безоговорочно верила этому ребенку – он назвал себя Инд. В ее старческих, когда-то ярко-зеленых, а сейчас выцветших глазах стояли слезы. Она села рядом с ним. Взяла его маленькую, сияющую белизной ручку в свои мохлястые, искривленные временем и морщинами руки. Она погладила его по головшке. А он сидел и смотрел на нее, как может смотреть только глубоко любящий родной человек.

В его генетической памяти вдруг всплыли четкие эпизоды другой жизни. Вдруг этот дом ему показался до боли знакомым. Он знал, сколько в нем комнат, где что стоит. Знал, какие деревья растут в саду.

Вспомнил красивую молодую девушку в скромном ситцевом платьице. Ее русые косы, зеленые глаза. Вспомнил, как шли они, взявшись за руки, вдоль берега речки, как он подарил ей букет васильков, и как они впервые целовались, неумело, стыдясь своих первых светлых чувств.

А потом пронеслись грозные тучи войны. Их обоих захватил безжалостный поток разрушений. Он погиб в первой же битве, где-то под Брянском. А она все ждала. Так и не вышла замуж. Не сложилась судьба. Так и хранит ее сердце до сих пор неизрасходованную силу чистой любви.

Они все сидели рядышком на тахте. Она поглаживала мягкие кудри детской головшки, не замечая, с каким состраданием и любовью смотрит на нее это дитя.

Вдруг за окном стало так светло, что глазам было больно смотреть. Баба Вера прикрыла их ладонью, а Инд понял, что отец пришел его. Он мысленно сказал бабе Вере, что возвращается домой.

Они вышли на крыльцо. Во дворе было светло как днем. Мощный столб света бил в самую середину двора. Инд посмотрел в глаза бабе Вере и она отчетливо услышала:

– До скорой встречи!

Через неделю не стало бабы Веры. Горевали по ней соседи и ее закадычная подруга Нюрка. Ведь добрее души в деревне, чем баба Вера, не было.

А у друзей родителей Инда, там, на далекой планете, родилась дочь. И все вокруг были удивлены ее странным именем, совсем не похожим на местное. Они назвали ее Вера...

Ангина железной хваткой вцепилась в мое горло. Года два она подкарауливала меня как свою очередную жертву – и вот, во вторник вечером, съев маленький кусочек дыньки из холодильника, я утром почувствовала озноб и легкий жар, а уже через час температура резко подскочила и взяла критическую высоту в тридцать девять с половиной градусов по шкале профессора Андерса Цельсия. Все попытки противостоять натиску лихорадки народными средствами оказались тщетными. Следующим утром мы с мужем пытались дозвониться до районной поликлиники, чтобы вызвать врача на дом. В какой-то момент муж потерял всякое терпение и поехал в поликлинику сам, бубня походя, что толку от этих врачей никакого не будет и что лучше было бы вызывать платного доктора. Через некоторое время он позвонил и сообщил мне, что после обеда врач должен быть. В менталитете нашей страны обед – понятие растяжимое, тут нам не файв-оклок, как у англичан в точно назначенное время, тут надо иметь большой запас терпения. Муж начал мне названивать, начиная с двух часов. Всякий раз, узнав, что доктора еще не было, он честно высказывал свое мнение обо всей нашей медицине, а я соглашалась мысленно со всеми его словами!

Часов в шесть вечера в дверь позвонили. В глазок я увидела не сказать, чтобы старого мужчину, но все же, и не молодого, так, примерно лет под шестьдесят. Тертая коричневая кожаная куртка, времен мезозоя, прибавляла ему возраста. Лысоватая голова выступала явным антиподом густым кустиющимся бровям.

– Вы наш новый участковый врач? – прошипела я тихим голосом.

– Ну, вот еще, мне своих больных хватает, это я так, временно заменяю его, – вторя моей же манере говорить больным горлом, тоже вроде как прошипел незнакомец.

– Мне кажется, что и Вы не совсем здоровы, неужели наш участковый врач совсем при смерти? – шутка моя не удалась, доктор на дурацкие вопросы отвечать не собирался.

Я тупо наблюдала, поеживаясь от озноба, как он, не торопясь, расправил складки мокрого зонта, как бережно смахнул с кожаной куртки капли дождя, как открыл портфель, вышедший из того же временного периода, что и куртка, из какого-то потайного кармашка достал синие, изрядно потрепанные, бывшие в употреблении бахилы. Затем, он, ну, очень уж медленно, натянул их на ботинки и, растягивая слова, спросил:

– Т-а-а-а-к, где тут у вас можно руки помыть?

– Проходите, пожалуйста, сюда, – я направила доктора в ванную комнату, а сама засуетилась и зашептала, боясь потревожить больное горло – ой, а про чистое полотенце-то я совсем забыла, сейчас принесу.

– Ничего, не тратьте силы, я могу и о штаны руки вытереть!

Я захихикала, но сильная боль в горле быстро напомнила мне, для чего собственно здесь этот человек. Доктор попросил стульчик и, как водится, начал заполнять карточку больного. Порассуждав некоторое время по поводу моей сложной фамилии, доставшейся от последнего мужа, он вдруг спросил:

– Так, так, так, а вы вообще-то собираетесь отчество переделывать?

Сбитая температура напрочь лишила меня разума, не понимая, о чем ведет речь этот человек, я округлила глаза, а в них застыл немой вопрос. Доктор без особых проблем считал его и продолжил:

– А чему вы удивляетесь? Вячеславовна – это не современно.

Сейчас многие женщины с таким отчеством требуют восстановить справедливость и переделать Вячеславовну на Вячеславну.

Горло мое запылало еще жарче, острые кинжалы впились в него, и мне показалось, что температура начала набирать слегка потерянные градусы.

– Зачем? – прошепелявила я.

– А зачем нужна лишняя писанина двух ненужных букв? – доктор переписывал номер моего страхового свидетельства, тщательно, как первоклассник, выводя цифры.

– Действительно, зачем? – я не унималась, было любопытно докопаться до истины.

– Вот, например, смотрите – Ярослав – Ярославна, Вячеслав – Вячеславна. Так ведь проще? Советую вам этого дела так не оставлять и не откладывать в долгий ящик.

Доктор с удовольствием потер руки и наконец-то приступил к своим непосредственным обязанностям. Померив, давление и послушав, нет ли хрипов в легких, он поинтересовался:

– У вас есть какие-нибудь предположения?

– По поводу отчества?

– По поводу вашего состояния.

– Вообще-то у меня горло болит, – мне показалось, что еще чуть-чуть, и я умру, видимо столь длительное ожидание врачебной помощи, не прошли даром для моей нервной системы.

– Что же вы до сих пор молчали? Несите скорее ложку, будем смотреть.

Перед тем, как заглянуть мне в рот, он еще некоторое время порассуждал по поводу того, что некоторые люди очень любят поболеть, что ангина бывает разной, но чаще всего достаточно полоскания и теплого питья, что не надо сразу ставить себе серьезные диагнозы, все может быть не так страшно. Посмотрев наконец-таки мое горло, он взял долгую паузу, которая показалась мне вечностью.

– Да... и давно у вас эта история?

– Со вчерашнего дня...

– Вам надо в лабораторию, милочка, очень похоже на дифтерию.

На мое раскаленное тело будто бы вылили ушат ледяной воды. Мозги зашипили, я попыталась воспротивиться столь грозному и несправедливому диагнозу:

– Как же я с такой температурой пойду в лабораторию, я же на ногах еле стою? И вообще, почему сразу дифтерия? И чем она опасна?

– Ну, может статься, что это и не дифтерия вовсе, это так сказать мои предположения, тут без анализа не определить. А опасна она, кстати, всего-навсего остановкой сердца, но это ведь пустяки, правда, ведь? – доктор пошевелил зарослями над глазами, а моя абиссинская кошка потерлась мордой о его руку, унюхав так любящим ею запах табака.

– В общем, так, дорогуша, никуда ходить не придется, завтра к вам придут из лаборатории, будем уточнять диагноз. А пока начинайте пить антибиотики, полощите горло и серьезно подумайте насчет отчества, оно вам надо – писать лишние две буквы? Это уже не модно...

Я пообещала, что непременно займусь этим вопросом. Тем более, что для меня, трижды менявшей свою фамилию, по причине смены мужей, всего один раз переписать отчество было парой пустяков. После того как врач проделал манипуляции с бахилами в обратном порядке и вежливо закрыл за собой дверь, я еще неко-

торое время стояла в коридоре и думала: «Не модно ему, а в таких ботинках ходить модно? Для таких модников, как вы, уважаемый доктор, какой-то талантливый кутюрье и создал бахилы».

Размышления были прерваны телефонным звонком. Это была моя приятельница, с которой мы собирались в деревню на эти выходные:

– Наташа, поездка срывается, я боюсь, что до пятницы не доживу – у меня подозревают дифтерию.

– Что за бред? Где ты ее подцепила?

– Дыню холодную съела.

– Слушай, с каких таких пор от холодной дыни возникает дифтерия? Глупости это, лечись, давай, грибов море, народ мешка-

ми собирает.

Легко сказать – лечись, тут такой диагноз, практически без знака вопроса.

– Наташа, у меня к тебе просьба, если я вдруг умру от остановки сердца, вы мне на керамике окончание в отчестве правильно напишите – не «вовна», а «вна», а то я тут доктору одному пообещала справедливость восстановить.

На следующий день из лаборатории никто не приехал, а еще через день кризис миновал, и я начала поправляться. Эх, доктор, доктор, липовая какая-то у вас дифтерия получилась, стали бы вы лучше лингвистом.

Маленькая-маленькая кобра высунула свою головку из скорлупы большого змеиного яйца, а потом не спеша покинула его. Огляделась, зевнула.

– Какое яркое солнце и как тепло, – подумала она и стала рассматривать все вокруг себя.

Родилась кобра не в каком-то экзотическом лесу, а на ферме по разведению змей в питомнике недалеко от города Паттайи, что находится в жаркой тропической стране Таиланд. Эта солнечная страна, где нет снега и мороза, а весь год тепло и яркое жаркое солнце дарит свою любовь всей стране, всем жителям, животным, птицам – всем обитателям этой загадочной и далекой страны. Оно окутывает своими лучами кожу людей, и она становится шоколадного цвета. Оно «полюбило» свои растения – цветы цветут яркими красками, деревья плодоносят круглый год, а на плодородной почве созревает много урожая различных культур, начиная от риса и кончая ананасами.

Маленькая кобра, назовем ее – Кия, как и тысячи себе подобных вылупилась из яйца.

Она сто дней росла в яйце, которое отложила ее мама. Но она никогда ее не увидит и не узнает, где она и кто она такая... Кия была – Королевская кобра, значит, когда станет взрослой, будет – большая, длинная и ядовитая.

Кия, хотя еще сама мала, но уже у нее есть яд, в маленьком и остром зубике. Она может убить при укусе небольшое животное – маленького кролика, мышь или среднюю змею...но она этого еще не знает. Не знает она и то, что будет с ней дальше: может отдадут на дрессировку факиру, и он будет выступать с ней на сцене перед зрителями несколько раз в день.

Кия медленно поползла и стала знакомиться со своими сородичами.

– Какие вы маленькие и интересные, – шептала она маленьким змейкам.

– А ты – больше нас и голова у тебя крупнее нашей, – шипели соседи ей в ответ.

Перед выступлением факир удалит ядовитые зубы, и будет она послушная и неядовитая некоторое время, затем зуб вырастет, и хозяин опять его удалит...если забудет, то укус ее станет смертельным для него.

Или отдадут в змеиный аптечный питомник, там много сырого мяса и спокойствие. Змеелов будет приходить и брать резко ее за голову и выдавливать из ее большого зуба яд в стаканчик. Он ценится в медицине, люди добывают и разводят кобр для лекар-

ства...и так постоянно несколько раз в неделю.

Или откормят мясом крыс и мышей и через некоторое время отдадут на кухню какого-нибудь экзотического ресторана. Посетители закажут суп из мяса кобры, выпьют горячую кровь и желчь – для здоровья...но этого маленькая Кия не знает. Она радуется яркому солнцу, теплу и новыми знакомыми вокруг нее.

– Какая интересная картина вокруг меня, – думала Кия.

Вот, большая рука кинула в стеклянный аквариум, где таких же как она несколько десятков детенышей, вкусную пищу – вареный желток яйца и мелкие кусочки сырого мяса.

– Как вкусно это, – зашипела маленькая кобровка, – Друзья, налетайте! Пока я с вами знакомилась – проголодалась.

– Смотри, какая малышка крупная, – сказал один рабочий питомника. – Вырастет в большущую змеюку. Завтра придет ветеринар, посмотрит и разделит их кого – куда.

Рано утром пришел ветеринарный врач – старенький мужчина, а с ним – дрессировщик – заклинатель змей, престарелый таец.

Дрессировкой и заклинанием змей его семья занималась с давних времен и передавала свое ремесло по наследству: от отца к сыну и так много лет подряд. Он с первого взгляда на маленьких змей видел, что получится из маленькой кобры – может она выступать с ним и быть укрощена или...отправить ее в аптечный питомник.

– Смотри, крупная, – обратил внимание ветеринарный врач, держа за головку кобру и разглядывая ее сквозь очки. – Такая вырастет в крупную особь.

– Может мне ее присмотреть для себя, – тихо произнес укротитель, – Сейчас проверю. Брось ее на дно, посмотрим, как она двигаться будет и головкой шевелить. Она хорошо видит, но ничего не слышит. Смотри, как живо она двигается. Шустрая.

Оставлю ее для себя.

– Ура! – тихо шипела Кия, – меня заберет факир-укротитель и обучит меня разным трюкам.

–Тебе повезло, тебя сразу выбрали, – шипели в ответ ей сородичи.

Так решилась судьба маленькой кобры Кии. Когда она подрастет, удалят у нее ядовитый зуб и отдадут на воспитание в семью заклинателей змей.

Вырастет маленькая Кия, превратится в крупную Королевскую кобру и будет выступать на сцене перед зрителями несколько раз в день.

Ирина Старицкая

48 минут

Если хочешь рассмешить Бога, расскажи ему о своих планах. Вчера я рассказала ему о своих планах. Он хохотал так, что проснулся Везувий, Марсианская впадина стала глубже на 16 метров и 43 сантиметра, арктические льды начали таять в два раза быстрее. Успокоившись, Бог вытер мокрые от слёз глаза и шепнул мне на ухо: «Чёрт с тобой, ненормальная, пусть будет по-твоему!»

(Интернет)

– Итак, дорогие мои, у каждого человека каждый день есть 48 минут. В течение этих минут можно положительно решить любой вопрос, можно смело начинать любые дела. На эти минуты можно планировать любые серьезные переговоры. Успех для всего начатого в эти минуты, гарантирован. На этом позвольте откланяться. Следующая лекция у нас с вами через неделю, прошу не опаздывать.

Майя покидала в сумку тетради и ручку и вместе со всеми слушателями направилась к выходу.

Погода на улице стояла по-настоящему весенняя. Солнце отражалось в ручейках. Волосы, освобожденные от шапки, заигрывали с ветерком. Новые перчатки очень гармонично смотрелись с новыми сапогами и крупно связанным шарфом вокруг шеи. Сегодня Майя очень себе нравилась. Настроение было прекрасным, а знания о ежедневных волшебных 48 минутах это настроение в разы улучшало.

«В контору не пойду. Рабочий день скоро закончится. Зачем раздражать коллег своими розовыми крыльями? Еще съедят. А мне нужна такая ранняя, нелепая смерть? Нет. Лучше я погуляю. Нельзя красоту прятать в четырех стенах. Мир нужно украшать, особенно весной»

Майя шла по улице и улыбалась своим мыслям. Прохожие улыбались ей в ответ. Мир играл, веселился и увлекал в свою игру всех желающих.

«48 минут... Сегодня они уже прошли. А завтра они наступают где-то в полдень. Интересно, а что, если не действия, а мечты. Мечты исполнятся? Надо будет попытаться профессора на следующей лекции. А что, если не мечты, а просто желания. Желания исполняются? Если исходить из того, что мысли материальны, значит, все исполняется. И что бы пожелала наша Майя?»

Вечер подкрался быстро. Ветер усилился. Пришлось надеть шапку. «Да, уж не май месяц, а только март. Пожелаю я себе, наверное, влюбиться. Да- да, влюбиться. А что здесь смешного? Если честно, давно не было ничего такого. А хотелось бы»

Замуж Майя вышла рано. Мужа любила, любила по-настоящему. Муж Майю тоже любил. Молодые, счастливые, они были всегда вместе. Вечерами любили гулять, в выходные любили кино и театр, ночами любили друг друга. Ничто не могло омрачить их жизнь: ни маленькая стипендия, ни хозяйка их съемной комнаты, ни строгие замечания мамы. У Майи была подруга, Юля. Они познакомились в институте, и с первого курса стали «не разлей вода». «Весна – Лето» их называли на курсе. После замужества Майя редко встречалась с Юлей, только на занятиях в институ-

те. Оно и понятно: Майя любила мужа и любила по-настоящему. Юля даже однажды плакала.

– Везучая ты, Майка. Вот раз- и влюбилась, вот два – и замуж вышла. Тянешь и учебу, и семью, и еще терпишь эти ужасные замечания своей хозяйки. «Я вас, Майя, категорически прошу протирать кафель в ванной после себя!». И, вроде, даже счастливая. Никогда не пожалуешься, только светишься вся. На тебя смотришь – и тоже замуж захочешь. А вот моя беда в том, что я не могу влюбиться. Как это у тебя получилось?

– Юля, смешная ты. Это не получилось. Это раз – и накрыло. И тянешь все, как ты выражаешься, и счастлива от того, что делаешь жизнь любимого человека чуточку полегче. И хозяйка не раздражает, потому что это все так неважно. Понимаешь? Просто неважно. А важно только, что мы вместе, и мы любим друг друга.

– Вот я и говорю, везучая ты, Майка. Почему одних накрывает, а других нет? Вот скажи – почему?

– Не знаю. Может, тебе обратить внимание на парней, которые вьются вокруг тебя.

– Ты издеваешься? Они же все уроды!

– Хорошо. Пусть будут те, которые не вьются вокруг тебя. Вот посмотри, – Майя обратила внимание Юли на идущего молодого человека. – Идет парень: высокий, фигура вроде ничего, наверное, симпатичный, ну чем не жених?!

– Жених! Почему бы нет! Вот только это твой муж идет, дорогая, – Юля даже засмеялась.

Майя присмотрелась, точно – это был ее муж. Высокий, симпатичный и любимый.

– Привет, девчонки, – муж поцеловал жену. – Хочу тебя украсть, у мамы сегодня пирог и она ждет нас к ужину. Они попрощались с Юлей и помчались на встречу к пирогу, который был очень кстати, особенно когда от стипендии почти ничего не осталось.

..Юлька, Юлька. Она влюбилась. Так как Юлька влюбилась в ее, Майи мужа, Майе было абсолютно все равно: любовь это или нет. Но ей, Майе, было абсолютно не все равно узнать, что ее муж влюбился в Юлю. И она, Майя, развелась. С тех пор у нее нет подруг и нет друзей. С тех пор влюбиться было трудно, а точнее, невозможно. Ее увлечение психологией давало ей силы жить, радоваться и любить мир, в котором она живет. Но никак ее, Майю, не накрывало, как-то все было не так, никому не доверялось, никому не верилось...

Ветер усилился, и стало зябко. Подтаявший снег замерз, и стало скользко.

«Вот возьму завтра вычислю свои 48 минут и попрошу любви так, чтобы накрыло, накрыло с головой. Я слышала, что любовь дается один раз. Но я пожелаю! Может, мне дадут еще один шанс?»

Каблук подло подвернулся и Майя упала. Она лежала на спине. Ей было больно и обидно. Слезы текли, но она не могла оторвать взгляд от неба. Небо было невероятно красивое в закате солнца.

– Девушка, разрешите вам помочь!

На Майю смотрели большие, синие глаза. Про такие глаза говорят, можно утонуть. «Накрыло!» – пролетело у нее в голове...

ПЕТР ЦЫПЛАКОВ

Единый и Единственный

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждающих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

Бог един и единственен в Своем праве быть Единственным Источником всего сущего, так же как и Единственной Истинной Целью и Конечным Пунктом движения всего сущего.

Но это Его Право познается только в непрерывном изменении, восхождении к Нему, и только укорененными верою и духом в Его Единстве.

Быть укорененным в этом изначальном Единстве и реализовывать стремление к этому Единству, будучи сколь угодно множественным — это и значит ЛЮБИТЬ.

Любовь не уничтожает множественность, она уничтожает отдельность, заменяя множественность отдельностей множественностью проявлений Единого.

Личности при этом становятся дополняющими и обогащающими друг друга НАБЛЮДАТЕЛЯМИ ЕДИНОГО, славящими Творца и непрерывно восходящими к Его совершенству и Единству.

Примером единого во множественном, без отделенности частей этого множественного друг от друга являются блики света на играющей воде — они множественны, но не отдельные.

Они в непрерывном танце — то сливаются, то разъединяются, то перетекают друг в друга, то вспыхивают, то угасают, но нет ощущения их отдельности, отделенности друг от друга. Поэтому их можно назвать танцующими высверками единого потока света, они — в непрерывном единении с источником света. А значит — и друг с другом. Такими должны стать и мы, по Замыслу Божьему. Такие мы и есть — если смотреть через призму вполне определенного восприятия, через призму Веры.

Только большинство из нас не знает об этом и творит себе безрадостный сон отделенности.

Так проснемся же! Ибо сказано: «Встань, спящий, и воскресни из мертвых, и осветит тебя Христос» (Еф. 5, 14).

Христос — Царь Славы Божией, всегда им был и всегда останется.

Слава же Божия — в единстве всего, Им сотворенного.

Единит же все Любовь, коренящаяся в Самом Боге, Творце Неба и Земли, Творце и Отце каждого из нас.

Возрадуемся же Сотворившему нас и Сыну Его, святящему нам в тьме отделенности, единящему нас!

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary
- в магазине «DINO»: I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

продолжение повести, начало в номере 31/28.09.2015

3

Семён Ильич Рудаков сегодня проснулся рано. И сразу же по пробуждении вспомнил вчерашнюю яркую мысль: «Нужно каким-то образом найти пребывающую в наших краях Алёну Евсеевну Рассказову и сделать ей предложение стать председателем жюри нашего конкурса». Это была весьма своевременная мысль.

Будет солидно, если такой известный среди фольклористов человек почтит наше собрание своим присутствием. Да и не только почтит... Хорошо, что Владимир Алексеевич вчера подсказал. И знает же этот «пенёк старый» – так про себя совсем беззлобно называл Семён своего непосредственного начальника – кто и когда приезжает к нам в область из столичных знаменитостей...»

– Да-а, – он посмотрела на часы, – сейчас звонить ещё не стоит – половина седьмого, а вот через час-полтора вполне возможно.

Семён потянулся на кровати особенным образом: лёжа на спине и вытянув руки вдоль туловища, подбородок прижимал к груди. Одновременно кисти рук тянул на себя – запястья от себя, равно как и пальцы ног, естественно, вместе со стопой натягивал вверх, к себе. Мышцы спины, ног и рук при этом вытягивались, обнаруживая приятное с утра напряжение. Только после такого упражнения он позволял себе вставать с кровати. Про этот приёмчик ей как-то обмолвился друг детства, и Семён стал его практиковать. Понравилось. Будто и правда подниматься с постели стало легче.

Сделав утренние дела и позавтракав, Семён позвонил начальнику.

– Здравствуй, Владимир Алексеевич, – поздоровался он.

– И тебе Семён не болеть, – по-отечески отозвался начальник.

– Ну, так как, подскажете номерок Рассказовой?

– А что ж не подсказать? Пиши...

Семён записал номер телефона, по которому нужно было звонить. Попрошавшись с начальником, набрал.

– Здравствуйте. Алёна Евсеевна?

– Доброе утро, слушаю Вас...

– Вас беспокоит Семён Рудаков, организатор Н-ского конкурса детских народных коллективов... Вам удобно сейчас говорить?

– Да, вполне.

– Алёна Евсеевна, позвольте выразить Вам своё признание и обратиться к Вам с просьбой, принять предложение быть председателем жюри нашего конкурса...

– Семён, скажите, а сколько коллективов заявлено?

– Четырнадцать.

– А призовых мест?

– Четыре...

– Вот что я Вам скажу: если хотите видеть меня в жюри, то никаких призовых мест! Детям это не полезно...

– Но как же тогда их оценивать?

– Да не надо их оценивать! Пусть дети встретятся, посмотрят друг на друга, послушают... Это будет для них гораздо полезнее, понимаете?

– Не совсем...

– Попробую объяснить, – Алёна Евсеевна мысленно испросила благословения «Господи, помоги» и принялась объяснять свою позицию.

– Для тех, кто победит, есть повод потщеславиться. А тем, кто не победит, есть повод позавидовать. Соревновательность свойственна детям, но далеко не всегда она принимает здоровые

формы. Подростки не всегда могут понять, почему одни лучше, а другие нет.

Они не понимают, по оценкам каких качеств выносят свои решения взрослые. Да и решения эти зачастую являются следствием чьих-то вкусовых пристрастий, не больше. Нет объективности, понимаете?..

На другом конце трубки продолжалось молчание.

– Семён, Вы здесь?

– Да, да, Алёна Евсеевна, куда ж мне деваться-то? – в задумчивости проговорил Семён.

– Вы поймите, – продолжала Рассказова, почувствовав затруднение собеседника, – это не мой каприз, это осознанная мною действительность и моя жизненная позиция, если хотите. Нельзя детей оценивать.

В наше время, когда общество не объединено представлением о прекрасном, единой культурой, если хотите, глупо оценивать по малопонятным стандартам ту его часть, которая толком ещё не прониклась духом, лежащим в основе нашего творчества... В общем, если хотите видеть меня в Вашем жюри, то никаких призовых мест. Пусть это будет смотр, – подвела черту она.

Наконец, после некоторой паузы, Семён заговорил:

– Хорошо, мы подумаем. Когда Вам можно перезвонить?

– Позвоните вечером.

– Спасибо, хорошего Вам дня, Алёна Евсеевна. После разговора Семён так и остался сидеть с телефоном в руках. Смутное чувство не покидало его. Вроде бы все ясно сказано, но чем-то витавшим между строк тронули его слова Рассказовой.

Вспомнилась Катя. Она также пыталась объяснить ему нечто, чего он никак не мог понять. И ладно бы не старался, а то ведь всем сердцем силился уразуметь объясняемое любимой женщиной, а не мог.

В памяти встало ее заплаканное лицо, тонкие и нежные руки, которым Катя не могла найти места в их последнем разговоре: то прикладывала одну из них к остренькому подбородку, подпирая другой локоток, то поправляла сочные каштановые с медным оттенком волосы, то промокала платком мокрые уголки светло-карих глаз.

– Ну пойми же ты, нельзя вот так, в лоб говорить людям, как ты говоришь, «правду»... Чего ты хочешь добиться? Изменения людей? Ты себя попробуй изменить сначала, а уж потом за других берись!

Катя говорила тихо, с безнадежностью в голосе, ибо попытка достучаться до Семена была далеко не первой. Но кто знает, может, в этот раз...

– Терпения и участия тебе не хватает, Сеня. Людям время нужно. Иногда вся жизнь. Тем более тем людям, которых мы любим. И пусть ты все правильно понимаешь и делаешь, но этой неподъёмной правильностью человека раздавить можно, если он не дорос еще до её понимания.

– Ну, так я и стараюсь ему помочь в этом, дорогая моя! – восклицал Семен.

– Как?! Как ты стараешься ему помочь? – не выдержала Катя, срываясь на высокие тона. – Ты говоришь очевидное для себя, совершенно не принимая во внимание, очевидно ли это для твоего собеседника! Может, ему до твоего понимания лет десять идти...

Катерина часто и глубоко дышала, щеки ее разругались, и Семен невольно любовался бы ею, если не видел, с какой скоростью растет между ними стена отчуждения. Теперь он и сам был

готов согласиться, что ему нужно лет десять расти до того, чтобы понять очевидное для его Кати.

Ни к чему не привел тот их разговор. Хотя, почему же не привел? Катя ушла. Сначала к маме, а потом сняла с подружкой отдельную квартиру и зажила самостоятельно, как и до встречи с ним. Семен переживал и, главное, не совсем понимал, кого винить в случившемся. Вроде делал он все правильно и оснований для отчаянного Катиного поступка в своих действиях не находил.

– Перебесится, придет, – говорили друзья.

Но Семен в этом сильно сомневался. В предыдущие разы ему удавалось успокоить Катерину, обнадёжить, что все устроится, они друг ко другу притрутся, время-то прошло всего полгода, как они вместе... Катя верила, соглашалась, но с каждым разом времени на примирение уходило все больше.

Катя соглашалась всё трудней и вот тогда, в последнем их разговоре уже не поверила. Сил в себе не нашла. Она так нуждалась в его участливом понимании, терпеливом выстраивании хрупкого строения доверительных отношений с такими разными вверенными ей подопечными, с теми, кто ей был дорог, кому она зачастую отдавала всю себя без остатка. И Катя желала, чтобы Семен был ей поддержкой и опорой в те нередкие минуты, когда она порой совсем не знала что делать.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спасительностью мгновения, – пахнувшие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, влетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

Семен же напротив, выделял для своей работы, как он любил выражаться «разумную часть» своих сил, особо не утруждаясь вниканием в слишком мелкие, как он считал, детали. «Есть прописанные истины, нормы, инструкции, которые не глупые люди писали, и не стоит напрягаться, выдумывая что-то ещё».

Наверное, холодная стена непонимания росла между ними из-за этого, разграничивая области действия каждого из них. Семен, видя что у него не получается достигать желаемого Катей, ради общей, как он считал пользы, старался не лезть в непонятные для себя сферы. А Катя, вконец теряя себя, когда выбитая из колеи, упиралась взглядом в непонимающий, живущий в совсем ином измерении взгляд Семёна.

Ярким, показательным случаем был разговор с Васей Картмазовым, что стацил, разумеется, без спроса, красивую вещь со стола Кати.

– Ну, я задам ему трёпку, век будет помнить, – просыпался в такие минуты Семён.

– Не смей, слышишь! – Катя, плотно сжав свои полноватые губки, твёрдо в упор смотрела на Семёна.

– Но почему, Катя?! – Семён искренне недоумевал. – Почему ты не хочешь раз и навсегда проучить этого воришку? Ему же польза будет!

– Его и так каждый день дома колотят, а браслет... он же не себе, а матери наверняка его взял. Это может быть повод, понимаешь? Возможность проявить свою и нашу к нему любовь, которой он нигде, кроме как через нас и не увидит, быть может... как ты этого не понимаешь?

Так же, как и Господь ждёт от нас внимания к Нему по нашему добромому произволению... не по принуждению, понимаешь, а по

ДОБРОМУ произволению! И делая добро ближнему – тому самому Васе – мы делаем добро Богу. И Бог терпеливо ждёт, милостиво предоставляя различные обстоятельства для удобного нам случая развернуться наконец к Нему лицом, понять, что не по Его власти и могуществу мы должны любить Его, а по тому, что Он всё отдал нам, даже самую жизнь Свою...

Здесь Семён обернулся и в глазах его возник немой вопрос: это какую «жизнь Свою» мог отдать Бог? Катя поняла его вопрос и просто ответила:

– Христос был распят. За нас. По Своей воле. Ему это не было нужно. Он Самодостаточен. Он для нас это сделал. Чтобы, такие как ты, остолопы, не могли увильнуть в своих измышлениях от бьющего в лоб факта крестной смерти Бога.

Он не наказывал всех грешников скопом, всех воров не загонял в озеро для наказания и вразумления, а сначала три года проповедовал, рассказывал, как следует жить, а потом пошёл на распятие... и воскрес! Понимаешь ты, воскрес! Значит всё, что Он говорил – правда! И все уловки уйти на попятную, говоря, что воскресение Его недоказуемо, такое же лукавство, как и твоё желание сохранить мнимую правоту свою в вопросе исправления мальчика.

Ты же сам чувствуешь, что не прав. Ну, или хотя бы допускаешь, что твой вариант вразумления не сработает... ты рассчитываешь, что он сработает, ты думаешь, что он должен сработать, но... не уверен! А теперь посмотри, представь себе: если ты ради него, да, да, именно ради него пойдёшь в магазин и купишь ему десять таких браслетов, как он украл – что будет?

Семен попробовал предположить, что он идёт в магазин и покупает сорванцу подарки. Это ему было непривычно... или неприятно?

– Он их не возьмёт, – почему-то ответил Семён.

– Ага, понял! – радостно, с надеждой ответила Катя.

– Да ничего я не понял! – раздражённо бросил Семён, – просто я предположил вероятное действие мальчика в ответ на непонятное моё действие в ответ на его поступок.

– Так это и есть самое главное, Сеня! – в Кате затеплилась надежда, – ты теперь в себя загляни поглубже, может ещё какую перемену углядишь? А то, как пень бесчувственный рубишь и рубишь направо и налево (здесь у Кати промелькнуло: как это пень может рубить, но образ понравился), в соответствии со своими непонятно откуда взявшимися принципами. Тем более, что желаемого результата они не приносят.

Семён и сам тогда видел, что здесь его методы воспитания могут дать лишь кратковременный эффект. Мальчонка, если его хорошенько припугнуть наказанием заботится, станет осторожнее, но твёрдого понимания, что так делать не следует, к нему, скорее всего, не придёт.

Но как по-другому?! Семён не знал. Катя говорила, что любить их надо... но как-то это всё неопределённо! Семёну захотелось даже стукнуть себя чем-нибудь тяжёлым по голове – ну не понимал он, как ещё тут быть! Нарушил – получи наказание, сделал хорошо – заслужил награду. Разве не так?

Он мысленно вернулся к Рассказовой. Отказаться от конкурса – что за абсурд! И Семён снова погрузился в раздумья, заставляя себя снова и снова копать в слишком твёрдой, как оказалось, для него области, которая, по-видимому, называлась любовью.

Семен начал злиться, что было признаком своей неправоты.

«Купить десять браслетов! Да он так привыкнет и поймёт, – украл один – получит десять. Хороша логика! И конкурс этот без конкурса... тогда стремиться к чему? Где мерило твоего труда?! Ах, да, такое непонятное и не постоянное явление как «любовь»...

Он опять вернулся в своих воспоминаниях к Кате. Её нежные и ласковые руки, мягкие губы и светлые глаза... Нежность, что поднималась в ответ на воспоминания о своей невесте в душе Семёна, была ему понятна и не требовала никаких объяснений и доказательств. Вот, что такое любовь! Это же очевидно!

Также как и на конкурсной основе смотр. Всё-таки, что за чушь! Целая система, воспитательная машина работает на конкурсный, оценочный результат. Разработаны нормативы, которым должен соответствовать учебный процесс, программы, методики

обучения... для кого это всё тогда?!

Семён искренне пытался понять. Он допускал, что есть некие педагогические ходы, когда ребёнку дают аванс, поблажку, чтобы потом нанести утверждающий окончательную истину удар. Но его Катя вообще ни на какие удары не была способна. И потому Семён не видел никакого смысла в подобного рода уступках и потворству детским слабостям.

«И чего сопли распускать или биться головой о стену?! – продолжал рассуждать Семён. – Не ты первый с этой проблемой столкнулся. Посмотри, как другие ее решали, и реши также! Ну, естественно, возможны отклонения, не обязательно повторять в точности. Но, в общем-то, решение на ладони! Какой смысл от него отказываться, терять время на поиски чего-то еще? Не можешь чего-то сам, попроси того, кто может. Что сложного? Еще и поучись у него, польза будет!»

Семён Ильич так и сидел с телефоном в руках. Что делать? А если Катя заблуждается и поступает неправильно? Тогда ей необходимо помочь! А так как сам Семён до всего в жизни дошел своим умом, то и всем остальным оставлял для развития личности только этот им чувствуемый и хорошо понимаемый путь. Всё правильно. Только за тем исключением, что по всему он теряет Катю.

«Нет, я однозначно чего-то не понимаю!» – тряхнул головой Семён.

Он вспомнил как в разговоре с Рассказовой к нему подкралось то же самое чувство губительного непонимания. Благо, что на кону стояли не отношения с любимым человеком, а решение по работе. Но все равно было очень и очень не приятно от лицемерия своей немощи понять, наверное, очевидные вещи, которые ему недоступны, раз не связанные между собой люди понуждают его упираться в одну и ту же непроходимую стену...

Что делать? Какой-то частью себя он узнавал в желании Рассказовой отказаться от оценки детей Катю.

Но, не смотря на это, приводимые Алёной Евсеевной аргументы не тронули его настолько, чтобы применить их на деле. Да и есть же заведённый порядок. И не ему, Рудакову, его нарушать. Нужно звонить руководству.

Рудаков нехотя набрал номер.

– Владимир Алексеевич, здравствуй ещё раз.

– Что с тобой, Семён? Видел бы тебя, сказал бы на тебе лица нет. Что произошло?

– Да тут дело-то какое... – Семён не стал посвящать начальника в свои внутренние терзания, – Рассказова условие поставила.

– Что, много просит?

– Да нет, – шарахнулся Рудаков, опешив от такого предположения, – требует, простите за тавтологию, отменить конкурсную основу конкурса...

Поджарый Семён представил себе тучного своего начальника, как тот наверняка сейчас смешно морщит лоб, растягивая при этом губы, отчего нос его ещё больше становится похожим на утиный.

– Лоб не болит? – спросил Рудаков в тишину, желая подколоть своего наставника. Ему даже немного полегчало от осуществления такой возможности.

– Не болит, – без обиды отозвался начальник, – она и аргументы наверняка приводила, – наконец выдал он.

– Приводила.

– Веские хоть?

– Достаточные. Хотя и не совсем понятные. Я бы, наверное, сказал – идеалистические.

– Ох уж мне эти творческие работники... – начальник смотрел на ситуацию практично, с точки зрения администратора, – говори ей, что мы согласны. Не будет конкурса. Другое будет. Но ты ей пока не говори. Просто скажи, что от прежней формы конкурса мы отказываемся.

– Хорошо. Полагаюсь целиком на тебя, Владимир Алексеевич. И Рудаков услышал короткие гудки.

...Они настали, эти долгожданные, наполненные спаситель-

ностью мгновения, – пахнущие хвоей и молодой зеленью – в тихой и теплой весенней ночи, с бездонным звездным небом, манящим высотой и недоступностью.

И вдруг – вспыхнули огоньки. Это широко распахнулись церковные двери. Мои прихожане, бережно прикрывая ладонями трепетные свечные язычки, двинулись вокруг небольшого, с немалым трудом строящегося храма Сретения Господня. В руках хоругви, иконы.

А наверху, тоже в еще не полностью возведенной колокольне, звонили – женщина и мужчина – слаженно и ритмично. И величаво плыл над селом праздничный благовест. И, влетаясь в его звонкий, ликующий, радостно-стройный мотив – мощно и дивно звучало:

– Воскресение Твое Христе Спасе, Ангели поют на небесах, и нас на земли сподоби, чистым сердцем, Тебе славити.

– Батюшка, благословите, – Алёна Евсеевна непроизвольно кивнула головой с приложенным к уху мобильником.

Выслушав ответ, вновь заговорила.

– Батюшка, они согласились... да нет, вроде нормально. Я нарочно с ними излишне не любезничала.

Не удивилась бы, если они и отказались бы. Хорошо, я поняла. Буду поступать, как Вы говорили. Ангела-Хранителя Вам, благословите...

Выслушав ответ, она нажала на кнопку отбоя.

– Баб Тань, батюшка благословил придерживаться той же линии. – Алёна Евсеевна обратилась к сидящей на стуле румяной бабушке, у которой жила в Н-ске. – Так что никакого своеволия. Выполняю свои обязанности и больше ничего. Да-да, нет-нет. Остальное от лукавого.

Рассказова заглянула внутрь себя (научалась потихоньку, с Божией помощью, это делать) и увидела рой желаний поступить по-своему. Вариантов была масса. Начиная от простого отказа в приеме предложения и заканчивая согласием, но с жестким подчинением своим правилам.

В который раз ей приходилось удивляться правильности простого принятия решения. И простота эта заключалась в том, что делать и говорить следовало просто, не мудрствуя лукаво, не рассуждая о многомерных тонкостях вопроса, отвечая самой себе коротко в вопросах, порождающих порой длительное и эмоциональное продолжение.

– Я вот что тебе скажу: мне достаточно первой ноты, самое большее – одной музыкальной фразы, исполненной коллективом, чтобы по тому, как они её взяли и исполнили, понять его уровень. Выработалось с годами...

И так бывает мучительно смотреть и слушать тех, о ком уже всё ясно с самого начала... а они всё поют и поют, да просят ещё чтобы их послушали, как будто от этого что-то может измениться. И, как правило, те, кто ничего особенного в творческом смысле собой не представляет, поют больше всех.

– Да, так часто и бывает. – Баба Таня, любящая поболтать кулушечкой немногим за семьдесят, понимающе кивнула.

Не одну жизненную историю поведала она Алёне и сама выслушала от нее. Вот и сегодня в запасе оказалась ещё одна.

– Ты послушай, што тябе расскажу про твои конлективы. Показательный случай, скажу я тябе. Слухай, было два дярехтора. В разных посялковых клубах. Мужшына и женшына. Дярехторами яны были дновременно, и бяда с ними приключилась тож, пошти дновременно. С разницей, ну, мож, в няделю. Так вот, разбил йих обоих, ентот, как яго, – баба Таня стукнула себя легонько в лоб ладошкой, – вспомнила, йинсульт называется! Поражения были сярёзные, но, слава Богу, обоих вовремя в больницы доставили. Так вот йодин – да ты яго, кстати, должна помнить, – Михеев. Николай Василич. Нешто не помнишь?

– Нет, баб Тань. А он молодой был?

– Да он и не был, а ёсть. – Круглолицая баба Таня эмоционально откинулась при этих словах на спинку стула, красноречиво махнув рукой в сторону Алёны, мол, чего раньше времени человека хоронишь! Затем помолчала, припоминая детали. – В

Макаровском работал, нешто не помнишь? Ну, лысоватый такой, с волевым подбородком, деятельный такой... – И рассказчица артистично скорчила деятельную гримаску.

– Ну, ладно, говори, что с ним?

– Ну, так я ж и говарю. Слэг этот, вроде бы, волявой подбородак и казал: я теперь нвалид, мне нужен уход и забота. И ляжить так вот до сих пор...

Баба Таня молчала, но Рассказова знала свою подругу – концом истории здесь ещё и не пахло.

– А тая директорша с карахтером оказалась, хотя и подбородок у ней был самай что ни есть обычной. Всё с кровати падала, а добивалась своо – устала на ноги! Да и как устала – на работу пошла! – Здесь баба Таня каждое предложение завершала восклицанием, которое и довершала прихлопыванием ладонями по обоим коленям, оставляя их там до следующего раза, чтобы вновь, в момент восклицания, подчеркнуть хлопком значимость

рассказанного момента.

– Да, не больно-то волевое решение у первого директора оказалось... хотя, баб Тань, ещё не известно, что бы мы с тобой в его положении сказали бы да сделали бы... Помилуй, Господи!

И женщины истово перекрестились на образа в углу. Каждая из них что-то ещё прошептала себе под нос, и после баба Таня продолжила:

– Ну, можа так, а можа и не так. Но восстановление на фоне подобног отношения к случившемуся проходит вяло. Постепенно болезнь начала сильнеть и человек считай полностью обездвижился. Ляжит своим квадратнам подбородкам вверх, а жана яго с ложачки кормить.

А вот вторая директорша... говорить, ешо шибче ребятишек жалеть стала...

(продолжение следует)

Автор публикуется с 2015 г. На PROZA.RU опубликованы: миниатюры «Единый и Единственный», «Осенний витраж», новеллы «Зов Премудрости Божией», «Дети Солнца», «Зов Зари», «Еврейская симфония», «Притча о жаждущих», «Исцеление Любовью», «Полет», «Притча об Источнике и садовых», стихотворения «Грани Первосвета», «Вечный сад», «Пробуждение», «Прозрение», «Искреннее», «Молитва», «Радикальное братство», «Молитва простодушных», «Ностальгия», «Возвращение к Отцу», «Брату», «Утро», «Певцы Земли», «Сострадание Христу», «К Закону и ко Христу», «Крещение огнем», «Законы грамматики», «Причастие».

В торжественной тишине осеннего дня, вспыхивая на солнце красным, желтым, зеленым, тихо шелестя, падают листья. Они выстилают землю мягким разноцветным ковром, волнующимся при малейшем порыве ветра. То же лиственное разноцветье – на приветливо машущих своими ветвями-руками деревьях. Этот живой осенний витраж, и без того прекрасный, удваивает свою красоту, отражаясь в игривой глади речушки, неспешно несущей свои воды среди всего этого великолепия. И все это венчает небесный свод, радостно взирающий тысячами глаз невидимых небожителей, довольных тем, что удалось на эту бrenную землю спустить такую вот симфонию жизни и цвета, свидетельствующую о неизменной любви и милости Отца Небесного ко всем без исключения обитателям этого мира...

Однако, поднявшись от речушки по лестнице вверх, взглянем на трех мужчин у пивного ларька. Видят ли, ценят ли они эту божественную красоту? Видят ли они друг друга, как должно видеть?

Вот стройный брюнет, стоящий боком и к лесу, и к речке, задумчиво облокотившийся на стол. Он ждет, когда отстоит пиво, когда его хмельная природа начнет вытеснять память об обязанностях, долгах, рождая внутренний жар самодостаточности, самодовольства, помогающий скрыть в хмельном дурмане ясно видевшиеся контуры проблем...

Вот другой любитель пива, стоящий спиной к брюнету. Его берет, другая его старомодная, но красивая одежда характерны для художников. Он, видимо, еще не потерял способность к восприятию красоты, потому и стоит лицом к лесу и реке. Но и его поза исполнена одиночества. Да и красота, видимо, для него существует только до первой кружки...

А у самого ларька – веселый разбитной парень в жакете. Он только что купил две кружки пива и идет, радостно предвкушая праздник единения с собой, любимым, праздник отрешения от всего и от всех, отрешения одностороннего, когда все окружающее воспринимается просто как форма, которую можно и нужно заполнять только и исключительно собой...

Глядя на разобщенность этих троих, задаешься многими вопросами. Кто это нас, сынов и дочерей Единого Отца, побудил

и научил разлучаться друг с другом, удаляться и даже бежать от Его Замысла о нас и от Него Самого? Почему мы столь охотно и добровольно обособляемся, ведь одновременно с этим мы очень страдаем от порождаемого этим обособлением одиночества?!

А листья трепещут, играют всеми красками осеннего карнавала. Да явятся на этом празднике жизни радующиеся ему, ценящие Божью любовь и заботу и отвечающие на нее, прежде всего – братским отношением друг к другу! И да вдохновят таковые на эту ответную любовь и радость всех остальных!

Радикальное братство

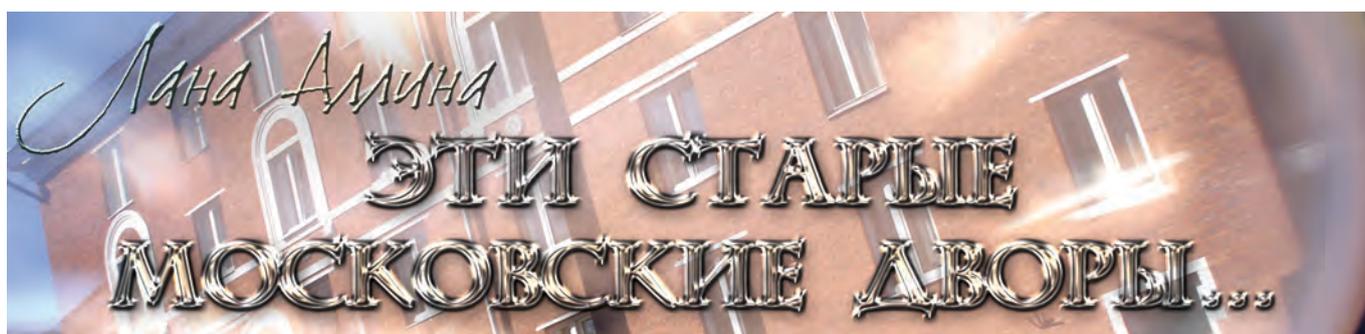
Душ сады – неисчислимы,
В это свято верь,
Души – други-побратимы
Раньше и теперь.

Этих душ сады цветущи
Можно отыскать,
В тех садах, как в райских куцах –
Мир и благодать.

Но и тот, кто беден Светом,
Кто суров и строг,
Разве он не ищет Лето
Среди ста дорог?

Все мы Свет и Лето ищем,
Чаще для себя,
Но найти для сердца пищу
Можно лишь любя.

Все мы – други-побратимы
Раньше и теперь.
Если любим, то любимы –
В это свято верь!

Моё писательское, творческое имя – Лана Аллина. Мое настоящее имя Светлана Князева.

Родилась в Москве, в семье ещё советской интеллигенции. Мои родители – учёные, научные работники в области общественных наук (история, политические науки), профессора двух крупнейших вузов Москвы. Я окончила исторический факультет МГУ, аспирантуру одного из московских институтов Академии Наук, защитила кандидатскую диссертацию.

С детства я пробовала себя на ниве сочинительства, хотя писала «в стол». Сейчас я писатель, лектор, аналитик, автор ряда публицистических статей в журналах научного и научно-популярного профиля. Много лет работаю доцентом крупнейшего московского вуза – РГГУ (Российский государственный гуманитарный университет).

Я автор романа «Воронка бесконечности» (Москва, 2013), член Российского союза писателей, кандидат в члены Интернационального союза писателей.

Номинирована на соискание литературных премий «Писатель года – 2014», «Писатель года – 2015», «Наследие – 2015», «имени Сергея Есенина «Русь моя 2016».

Подготовлен к печати мой новый роман – «Вихреворот сновидений». Так же, как и мой первый роман, это повествование о России, о судьбе творческого человека в нашей стране, о нашей жизни, её горестях и радостях...

И конечно же, о любви. И о том, отчего любящие люди теряют друг друга во времени и пространстве?..

А еще это размышления о том, как бесконечно много в нашей жизни такого случается порой, что и не разберешь, где дрема, а где явь, где сон, а где навь...

Отрывок из романа «Вихреворот сновидений» (готовится к изданию)

Выйдя утром из дома, пройдя немного, Вероника оглянулась, посмотрела на свои окна. Как хорошо! Ровный, спокойный, приветливый взгляд ее окон сопровождал, поддерживал. А, вон и муж! Как всегда, он машет ей рукой и долго смотрит вслед, выглядывая из лоджии. Такой уж ритуал у них сложился за много-много совместно прожитых лет.

Двора около их нового дома снова не получилось. А какие замечательные дворы были раньше, в старой Москве, внутри Садового, Бульварного кольца!

...Вероника вдруг вспомнила большой двор их старого, еще довоенной постройки, дома вблизи Маяковки. Тогда еще сохранились в центре Москвы, в Оружейном переулке, в кольце Миусс и Тверских-Ямских улиц, настоящие дворы, довоенные. Старые дворы, каскадами подворотен перетекающие в дворики...

Не Бог весть какой набор развлечений, нехитрых спортивных снарядов. Полуживой турник, другой поздравнее и в общении приятен, вот мальчишки на нем и подтягиваются – висят гроздьями, вместе и по очереди. Кривоватые качели, скобоченные карусели. По самый пояс вросший в землю барабан, на который всё-таки можно влезть и, держась за опасно торчащие, порченые ржавчиной железные перила, крутить его как можно быстрее, быстрее, бегом на месте, вот здорово! Такая радость для ребенка. А еще старая песочница. Там прыгают-копашатся маленькие цветные пятнышки – малыши-грибки в белых панамках, так что и не разберешь, мальчик это или девочка, и усердно копают грязноватый влажный желто-серый песок совочками, лопатками, насыпают в разноцветные жестяные ведерки, колотят, утрамбовывая, опрокидывают, быстро-быстро изготавливая куличики. Рядом несколько порченных скамеек. Там днем сидят, вяжут чулки, кофточки, шарфики бабушки и няни, тесно сплетаясь языками, но успевая следить за перепорученными им мамами и папами чадами. Там по вечерам обнимаются-целуются влюбленные парочки. И грубо сколоченный домик в детский рост, куда, правда, залезать страшно – того и гляди, во что-нибудь вляпаешься, и запах там, вот какие, опять нагадили, но зато как волнующе интересно представлять, сидя там, внутри, что дом этот настоящий!

Вечно запертая дверь в чёрный ход, полусъеденный ржавчиной замок торчит в массивных петлях. Утопленный на полметра вход в подвал, стертые лестницы, и здесь тоже ржавый замок на полусгнившей двери. Лифт, пристроенный снаружи и нависающий над запертым черным ходом. А посреди двора два приподнятых на полметра небольших сооружения – будто дозорные башни в маленькой копии. Если заглянешь внутрь, видны заржавленные скобы, подобие лестницы, уходящие вниз, в черную глубину: там во время войны находилось бомбоубежище. Это – лаз в прошлое

двора, улицы, города, страны...

Как же тянуло их, ребят, спуститься туда! Но это им строго запрещалось, ведь мамы и бабушки наблюдали за ними сверху, из окон коммунальных квартир.

Лето. Ласковый доброжелательный денек, синее-синее небо, а на небе ни облачка, и приветливое оранжевое, еще не жаркое, толком не проснувшееся солнышко – гладит тебя своими теплыми ласковыми руками-лучами по лицу, волосам. Во дворе уже с самого утра собралась разношерстная ребячья команда. Здесь и её непременный друг-приятель симпатяга Женька Розенфельд из соседнего подъезда, и несколько вредных пищалок-девчонок. Тощие ножки с выпирающими коленками и еще более тощие косички, а в косичках белые, коричневые, зеленые, голубые капроновые банты – прямо стрекозы! Играют в войну, в героев. А главный заводила, герой этой компании – Лерка. Без него не обходилась ни одна игра. Высокий, старше их всех, отчаянно красивый и отчаянный воображала-хвост поджал мальчишка в летчиковском шлеме, а если на дворе прохладно, то и в летчиковской кожаной куртке – ни дать ни взять Валерий Чкалов, об-балдеть!

Летчик-пилотчик, улети на небо, дам тебе хлеба, черного и белого, только не горелого! – дразнили Лерку вредные девчонки-стрекозки. Но подойти поближе боялись. Вместе этого бегали по газону, гонялись с сачками за бабочками – причудливыми глазастыми шоколадницами, изящными полупрозрачными лимонницами.

Странное имя – Лерка, может, Валерка? Он был тезкой её мужа, как странно! Мальчишка тогда пронзил её детское воображение. а было ей всего-то семь лет от роду. Он ее и не замечал почти. Пигалица.

Они играли в прятки, догонялки, салочки, декламировали какие-то считалки, а главное, они, конечно же, играли войну! Попадали в плен к немцам-фашистам, сидели в фашистских застенках, их допрашивали с пристрастием, их жестоко пытали, а они героически, беззаветно молчали, горя желанием отдать жизнь за родину. Потом наши наступали, и, конечно же, их героически освобождали.

«Где ж ты был-то всю жизнь, а, Лерка? – думала теперь взрослая Вероника, вспоминая Леркин летчиковский шлем, которым так гордился мальчишка. – С кем встречался, с кем жил? Если бы... может быть, кто знает?.. А возможно, я и встречала тебя на улице, случайно – разве узнаешь теперь?»

Ведь эти дворы остались в детстве...

А возле её дома позавчера воздвигли огромный рекламный щит. «Обновленный, движимый желаниями» – такая красовалась надпись на щите. Гм-м, что бы это значило, подумала Вероника.

...И снова прибежало, постучалось теплое воспоминание. Вечерет, Маяковка, фонари, фары, смутные, потерянные в небытии времени тени прошлого, Пушкинская площадь, здание «Известий», бегущая строка старой-престарой, простой как дважды два, советской рекламы: «Храните деньги в сберегательной кассе», «Пейте томатный сок!», «Покупайте мороженое!» А что еще можно было покупать? Нет, неправда она! «Всем давно уж знать пора бы, как нежны и вкусны крабы» – это уже советская реклама в магазинах. Всем доступны были и, в общем, по карману сии жили морские.

Не было тогда еще все перебулгачено. Не то теперь. Утро начинается не с рассвета, а с бега рысью и интернета. Почта, новости... И кто сегодня вспоминает первые громоздкие ЭВМ в институтах физики, каждая из которых занимала сразу несколько огромных помещений, и высотой эта махина была в несколько высоких этажей. И кто в наши дни знает, как в далеких уже 40-х директор одной из первых компьютерных компаний IBM Томас Уотсон поведал всему деловому миру, что на мировом рынке продается не более пяти компьютеров, и выразил уверенность в том, что у этой отрасли нет шансов развиваться далее.

Обновленная, движимая страстями, желаниями, помыслами и силой инерции, Вероника летела к автобусной остановке. На помеле, как она привыкла объяснять свой утренний полет тем, кто звонил ей по мобильнику в этот неподходящий момент.

А в тот день напал на ее землю ветер. Грозно гудел, будто в гигантскую трубу, сдувал с людей шапки, косынки, кепки – ветер! Пытался выхватить из рук сумки и временами, совсем ошалев

от самого себя и надрываясь из последних сил, пронзительным разбойничьим свистом свистел в ближайшей подворотне – ветер. Какой яростный, нетерпимый, тревожный, не улыбочивый – ветер! Почему ей никогда не улыбнется солнце? Пусть северное, холодное, но – солнце?

Да, немного под небом страны моей теплых, ясных, солнечных дней... Вот сейчас ветер-разбойник нагонит тучи, соберет их в темно-серое небесное воинство – и опять пойдет дождь. Что же это за погода такая! И лето было холодное, промозглое, и вот теперь осень дождливая пришла ему на смену.

Листья на почерневшем от многодневного дождя тротуаре расположились причудливо, вызывая в памяти странно аляповатый рисунок. Точно какой-то ребенок вдруг схватил разноцветные фломастеры и, торопясь и пыхтя, размашисто изобразил на влажном от многодневного дождя асфальте, как на большом листе бумаги, неровные кружки, странные овалы, ошестинившиеся сердечки, отдаленно напоминавшие трюфевую масть – рыжие, желтые, оранжевые с зелеными прожилками.

Уже подбегая к остановке автобуса, Вероника с изумлением прочитала на асфальте заботливый призыв, аккуратно выведенный белой масляной краской: «Русский! Живи трезво!»

Да разве это возможно? Она усмехнулась. Это же в корне противоречит нелогичному, сотканному из противоречий русскому характеру – тому самому, который умом не понять. И вообще давно пора отучить себя от дурацкой привычки читать надписи на заборах, асфальте, щитах, стенах!

О пользе американских улыбок мы всё хорошо знаем. Ну, хотя бы потому, что создают они приятное настроение. Идешь, к примеру, по улице в своем нэйборхуде – добрососедство в переводе, а навстречу тебе – мужик или баба. И широко улыбается. Ты хоть и знаешь, что улыбаются-то фальшиво, и до тебя им никакого дела нет. Но все равно приятно. Гораздо приятней, я вам скажу, чем в родном русском автобусе, где тебя от чистого сердца обложат матом. Или еще пример. На перекрестке с четырьмя стопами. Ты подъехал, он подъехал. Кто раньше – непонятно. Посмотрел на водителя, а он тебе улыбается, ручкой машет: проезжай, мол. Ну, и ты, соответственно. Улыбнулся в ответ, ручкой помахал. Нет уж! Только после вас. И совершенно невдомек вам, что улыбается-то он не по доброте душевной, а из осторожности. Потому как совершенно не знает, что случится, ежели он вас не пропустит. Может, у вас там рядышком на пассажирском сидении револьвер системы «наган» отдыхает? Может, вы как раз в психиатрическую больницу торопитесь на еженедельные курсы «Энгэр мэнаджмент» – укрощение злости в переводе? И так вот, из-за какой-то ерунды вы на эти самые курсы можете и не доехать. Задержитесь слегка, пока всю обойму не расстреляете. Такие вот мысли. Но все равно приятно. Разъехались. Он – по своим делам, а вы – на свои Энгэр мэнаджмент классы. Или еще куда. Хорошо, приятно. Тут, знаете ли, даже дело до того дошло, что какой-нибудь деятель, устроивший «мас шутинг» – стрельба куда попало в переводе – тоже сначала подойдет, улыбнется, поинтересуется: «Хау ар ю?» – "как дела?" – то бишь. И лишь после этого стрельнет. Воспитание такое – доброе и правильное. Не порть человеку настроение. В школе этому учат.

– Ну, а собственно, к чему все это? – вы, вероятно, скажете, – Кто ж спорит-то? Улыбка – вещь приятная.

И опять-таки вопросом зададитесь: «Рассказ, вроде, о вреде улыбок, а тут все о пользе, да о пользе».

Ладно, поясню, в чем же вред. А вред-то в том, что выкинув

из обихода мимику и заменив ее на все случаи жизни дежурной улыбкой, мы как бы отрезали возможность передать и пояснить свои истинные чувства. Собеседником оказывается некто типа Джокера с вечно наклеенной улыбкой из боевика «Бэтмен». И результаты сего часто бывают не совсем лицеприятные.

Ну, вот, к примеру, история, приключившаяся с одним моим приятелем. Повезло ему как-то. Получил работу в какой-то огромной американской корпорации. Проработал там честно лет пять. И даже продвинулся по службе. Получил должность микро-менеджера и человека три подчиненных. Ну, личное общение в американских корпорациях – сами знаете, какое. Поутру – радостная улыбочка и вам уже известная фразочка из трех слов: «Хау ар ю». Впрочем, моего приятеля сие вполне устраивало. Говорить по душам с негром, китайцем и жирной теткой неопределенного возраста у него особого желания не было. А потом вот случилось, что в его группу перевели весьма симпатичную молодую особу. Так сказать, в подкрепление на какой-то важный проект. Ну, проект – проектом. Что с ним сделается? Но тут другое. Стало вдруг казаться моему приятелю, что этой вот молодой особе он как-то понравился. То есть улыбалась она ему по утрам как-то сердечней, чем остальные. А хорошо известную фразу – «Хау ар ю?» – произносила с каким-то любовным трепетом. Так что как-то раз, взглянув на себя в огромное зеркало, в огромном туалете той самой огромной американской корпорации, он увидел там умного, красивого, в меру упитанного мужчину в самом расцвете лет. После чего мой приятель решил, что, по всей видимости, эта вот новенькая симпатичная девушка, присланная на усиление его группы, бесконечно влюблена в него, и решил при первом удобном случае как-нибудь все это прояснить. Так что как-то раз пригласил он эту вот новую сотрудницу в ресторан на ланч – обед в переводе. В больших корпорациях очень даже поощряется ходить с подчиненными на обед в ресторан, дабы выслушивать их скромные пожелания и далеко не отрываться от коллектива.

Короче говоря, где-то в перерыве между стэйком и пирожным он изложил свое мнение по поводу перевода их производственных отношений в отношения менее производственные. На что она ему как обычно широко улыбнулась и произнесла громко с любовным трепетом «Оф корс», что в переводе означает «Непреренно». Впоследствии мой приятель мне жаловался, что ничего особенного он ей не сказал. Но проблема-то состоит в том, что "ничего особенного" имеет разное значение в Америке, а также в России и Занзибаре. Короче, вы уже догадались, что когда на следующую неделю, счастливый и окрыленный, мой приятель явился на работу, то его уж там поджидали миниатюрная китайка из персонального департамента, а также здоровенный, двухметровый негр из секьюрити, напоминающий двухстворчатый шкаф. Его всегда присылают в случаях, когда кого-то увольняют. Впрочем не для того, чтобы он как-то обижал работника, а для того чтобы за ним миниатюрной китайке было удобно прятаться на случай если очередной неудачник окажется сильно строптивым и крикливым. Впрочем, приятель мой не был ни строптивым, ни крикливым. Кроме того, он находился в состоянии шока. Так что он безропотно отдал свой бейдж – пропуск в переводе. И последовал в сопровождении миниатюрной китайки и двухстворчатого негра к выходу. Даже толстый желтый конверт с инструкциями для безработных, который полагается в таких случаях, он не получил. По дороге миниатюрная китайка все сокрушалась, что не успела этот самый конверт приготовить, потому как получилось вроде как эмэрдженси – дело срочное. Увольнять, то есть, как красиво выражаются американцы, "позволять уйти", пришлось вне очереди. Впрочем, на выходе из корпорации китайка опять-таки ласково улыбнулась, пожелала успехов и пообещала выслать конверт по почте, причем самой большой скоростью.

Лишь неделю спустя, придя в себя после шока и наведя кой-какие справки, приятель мой сообразил насчет своей новой сотрудницы. Дело в том, что прибыла она из соседнего штата, где по статистике улыбка на 30% шире, утреннее «Хау ар ю?» произносятся на 20 децибел громче и на 10% трепетней. Он же, к сожалению, принял все за чистую монету.

Ну, вот, собственно, так вот быстро и неожиданно завершилась карьера моего приятеля в той самой американской корпорации. Впрочем, как говорят, нет худа без добра. Приятель мой впоследствии говорил, что чувствовал себя там, как в тупике. Ибо при той скорости, с какой он продвигался по службе, ему следовало проработать там лет 500, чтобы достичь какого-то приличного места. И, кроме того, не свет же клином сошелся на этой сверкающей стеклом и бетоном корпорации. Две недели спустя он устроился на работу в одну компанию, размерами хоть раз в 100 поменьше, но зато с работой раз в 100 поинтересней, с перспективой и с нравами не такими крутыми, как в той самой, как он выражался, "факин корпорэйшн". Надеюсь, понятно без перевода. Работал мой приятель на новом месте с рвением, удовольствием, хотя, впрочем, урок, поданный ему в большой корпорации насчет «Хау ар ю», он запомнил надолго. Зарубил себе на носу, как говорится.

И еще. Сотрудница там одна в новой компании работала. Итальяночка симпатичная. Недалеко, за соседним столом сидела. Итальяночка ему время от времени, можно сказать, ежедневно глазки строит и произносит с любовным трепетом – «Хау ар ю». Но приятель мой обжегся однажды. И посему говорит в ответ вежливым, спокойным голосом: «Вэри гуд». И таким же безынициативным тоном обратно: «Хау ар ю?»

Ну, собственно, такие вот отношения. И продолжались они так примерно с полгода. Я, кстати, забыл вам сказать, что приятель мой к нам на работу в июле устроился. А это важно. Потому что спустя шесть месяцев после июля наступает Новый год. И Новый год этот решило руководство нашей компании весело отпраздновать. Сняли конференц-зал в армянской церкви. Это что б подешевле и подальше от полиции, на тот случай, если народ в нашей компании сильно разгуляется. Я тут вам не упомянул, что в нашей компании половина русских работала, причем не так уж давно прибывших. Так что было о чем беспокоиться. Ну, и, кроме того, кто-то из наших русских активистов предложил порадовать наших американских и прочих коллег каким-нибудь русским

сюрпризом. Так сказать, осуществить смычку между городом и деревней. Даже круче бери: смычку между континентами.

Дальше – все как обычно. Перед празднеством потолкались с бокалами шампанского в руках. Потом, опять-таки как водится, президенты с учредителями нашей компании выступили. Речь толкнули про успехи да перспективы. Похлопали им слегка. Ну, а после официальные речи закончили и говорят: «Просим всех в обеденный зал откушать тем, чем лучший в нашем районе ресторан нам послал». Переходим мы в обеденный зал, и там, значит, становится народу несколько кисло. Потому что тот самый лучший в нашем районе ресторан послал нам два вида салатов и куриные ножки с крылышками. Не густо, прямо-таки скажем. Но тот наш русский активист, который наш сюрприз организовывал, кричит: «Минуточку внимания!» И дальше на хорошо ломанном английском языке поясняет: «Мы тут вам приготовили маленький сюрприз!»

Туш! Та-ра-рам-там-там. И вкатывает в обеденную залу столик. Сдергивает с сюрприза покрывало. И предстает там на столе такой нехилый поросенок, весом так килограмм в 100. Все как положено. Ушки торчком, улыбается всем своим свинским рылом, а во рту – наливное яблочко. Дальше аплодисменты. Русские кричат: «Ура!» Американцы кричат: «Харрэй!» – Это тоже «ура» по-ихнему – и было уже бросаются с пластиковыми ножичками наперевес к поросенку. Но тут слышим мы вдруг визгливый голос одной нашей американской "бич" – «Бич» – это «сучка» в переводе: «Всем стоять! К свинье не приближаться! Это еще что такое? Издевательство над животными! Над чувствами вегетарианцев!» – И прочее, прочее, прочее...

Тут же вокруг нее образуется группа активистов и с криками направляется к нашему руководству с петицией: «Свинью убрать или праздник прекратить». Руководство, конечно, перепугалось. Кому ж охота с этими ненормальными связываться? Но тут другая инициативная группа образовалась, уже с русской стороны, в защиту поросенка. Слава богу, уж по 100 грамм выпили, закусить хочется, а эта сучка со своими прихлебателями – не дает. Но так вот просто сказать в Америке нельзя. Надо подвести политическую базу. Тут, значит, один американский студент из «ло скул» (место такое, где будущих адвокатов-лойеров готовят) идею подал. Поросенок – это вовсе не жратва, а русская национальная традиция. И посему – имеем право. Ну, а кому ж охота связываться с нацменьшинствами и нацтрадициями? Короче, наше руководство – туда-сюда, сюда-туда. Мечется между Сциллой и Харрибдой. А потом дипломатично постановляет: поросенка в угол отодвинуть и шторкой загородить. Так что теперь и овцы целы, и волки сыты. Это я так фигурально говорю, потому что салатиками не сильно-то насытишься. Вот если вы не религиозный еврей и не мусульманин, то на вопрос: «Что лучше? Шмат свинины с листиком салатика, или листик салатика без свинины?» ответите однозначно. Потому народ в основном потянулся в уголок за свиньей. К тому же туда за одно укатили и всю выпивку. У корыта же с салатом осталась лишь та самая крикливая американская сучка и парочка ее вегетарианских прихлебателей. Но сучка эта больше не кричит и не воеет. Руководство наше тут же воспряло духом. Как хорошо производственный конфликт разрешился. И объявляют: «Спасибо нашему вице-президенту, который организовал такой замечательный праздник. А теперь музыка и танцы».

Вскоре выяснилось, что за сюрприз нам приготовил американский вице-президент, которому мы по гроб жизни должны быть благодарны. На сцену взбирается какой-то мужик с волынкой и в скотском наряде. "Скотский" – это я так для каламбуру сказал. Потому что шотландец по-английски – это «скот». Ну, а что такое волынка, вы и сами знаете.

Короче, этот самый мужик в своей скотской клетчатой юбке начинает дуть в свою волынку, издавая самые что ни есть непотребные звуки. Тут даже сами американцы возмутились. Сколько ж можно?! Одну песенку, если это вообще песней назвать можно, продудел – пора и честь знать. Так нет. Этот скот только разошелся. Короче, русские опять взбунтовались. Тем более что опыт политической борьбы уже есть. Опять к руководству с петицией. Национальные традиции ущемляют! У нас как принято. Выпил,

закусил, поплясал, подрался. А этот вот – "ни то, ни сё", мужик в юбке... Волынит и волынит. Начальство возражать не смеет: «А!» – говорит, – «Делайте, что хотите!»

На счастье наше. Это я уж без иронии говорю. Праздновали мы наш новый год за неделю до Нового года настоящего. Как водится, из экономии. Поэтому наш русский активист обзвонил наших русских музыкантов и нашел свободного на этот вечер одного классного мужичка. Миша Ягодин. "Человек-оркестр", как он себя в объявлениях называет. А Мише вот собраться – только подпоясаться. Да и совсем рядышком он живет. Десять минут езды. Короче, прибыл через четверть часа Миша. Волынщика того уж со сцены прогнали. Место для Мишиных инструментов освободили. Ну, Миша все свои инструменты разложил. Пианино электрическое подключил и грянул. Там весь наш известный русско-еврейский ресторанный репертуар. «Конфетки-бараночки» вперемешку с «семь-сорок» и «очи черные». И много чего еще.

Кое-кому из наших американцев все это не понравилось, но другим праздник пришелся по вкусу. Ну, не все же они там идиоты. Половина-то американцев вполне нормальные. Прыгали, плясали, веселились. Только без мордобоя. Это у них – ни-ни. Ну, а самое главное-то оказалось, что среди этой половины нормальных американцев оказалась и наша симпатичная итальяночка. Приятель мой к этому моменту уж выпил бутылку водки, свои хау-ар-юшные страхи подрастерял и начал всерьез ухлестывать за итальяночкой. То по попке невзначай погладит, то в шейку поцелует. А итальяночка-то сама покраснелась. Временами делает вид, что негодует. Но на самом деле все это ей нравится.

А потом куранты пробили полночь. В смысле, не куранты, а местный охранник-секьюрити вышел и говорит: «Пора, мол, сворачиваться. Валите отсюда». Ну, в общем, с грехом пополам все свернули. А приятель-то мой не то что ехать – идти почти не может. Ну, тут итальяночка ему и говорит... А может даже и не говорит, просто поясняет: «Поехали, мол, я тебя до дому доведу». Ну и довезла. Правда, к себе домой. Дальше у них там дома произошел так называемый секшвал асолт – атака сексуальная в переводе. Впрочем, не знаю, кто напал на кого. Итальянки же они такие – бесшабашные. Так что будем считать, что секшвал асолт там был взаимным. Ну, и приятель мой в результате в доме этой вот симпатичной итальяночки слегка задержался. Лет на 15.

Так что все у них теперь хорошо. Любят друг друга. Ругаются временами. Ну, в семье не без этого. Тем более итальянки вы же знаете какие... Не знаете? Так по фильмам представьте. Огнемётные, зажигательные, скандальные. Временами во время ссор она его свиной называет. Ничего личного. Просто как воспоминания о том самом веселом Новом Годе. Ну а он ее, соответственно, называет шлюхой. Тоже ничего личного. По тем же воспоминаниям.

Потом они мирятся. И она его тогда любовно называет "май литл пиг". Это такое вот сочетание, уменьшительно-ласкательное от «свины». Он же называет её "Хани". Это тоже уменьшительно-ласкательное – от «шлюхи». Но ссорятся и мирятся они редко и на редкость спокойно. Без мордобоя, не дай бог. И даже не повышая голоса. Все-таки дочь за стенкой. Воспитывать надо, а не травмировать свое чадо. Тем более в самом что ни на есть переломном 13 летнем возрасте. Впрочем, дочке на все эти родительские разборки наплевать. Она все равно их не слышит и не видит. На ушах наушники, а пальчики на телефоне. "Текстает", как тут говорят – с социальной сферой общается.

Приятель мой изредка жалуется: «Ну как же это можно?! 10 тысяч текстов в месяц!» Я успокаиваю. А он опять: «Русский язык знать не желает! Последний раз по-русски говорила лет десять назад. На дне рождения поставили ее на стол, и она декламировала: «Тише, Танечка, не плачь. Не утонет в речке мяч». А потом все. Ни слова, ни звука. Я к ней обращаюсь, а она делает вид, что не понимает. Только для бабушки исключение делает. А с текстами, текстами-то что делать? Едем в машине куда-нибудь на природу. Я ей: «Прекрати текстать. Давай поговорим о чем-нибудь. Как у тебя дела в школе?» Молчок. Вся в телефоне. Бип да бип. Текст туда, текст сюда. Я из себя тогда выхожу и кричу: «Спрячь телефон немедленно, иначе я его в окно выброшу». Ну, она прячет телефон в карман. Так представляешь, какие способности? Она в кармане, вслепую, одной рукой текстать продолжает! Я так через минуточку отойду от злости. Приду в себя и говорю жене: «Способная все-таки у нас дочка. Пальчики уникальные. Наверное, нейрохирургом будет!» А жена отвечает: «Если так и дальше будет в школе учиться, то станет она шлюхой!» А я ей отвечаю: «Такой же, как ее мама!» И мы все смеемся».

А потом задумается мой приятель на секундочку и скажет: «И все-таки счастливая у нас семья».

Напоминаем, что приобрести книги нашего издательства Вы можете:

- в нашем офисе: **Skleněný můstek s.r.o., Horova 12, 219, Karlovy Vary**
- в магазине «DINO»: **I. P. Pavlova 36, Karlovy Vary**

Заказать по почте: Vítězná 37/58, Karlovy Vary 360 01, Česká republika

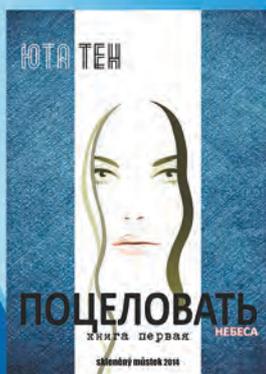
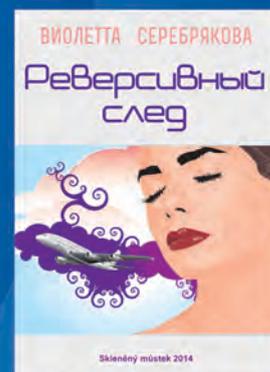
Приобрести наши книги в интернете можно на следующих ресурсах:

<http://eshop.czpress.cz/> <http://www.litres.ru> <http://svoy.ru/> <http://www.softsalad.ru>

<http://biblioclub.ru> <http://www.martinus.cz/> <http://www.martinus.sk/>

<http://knihy.abz.cz/>

ИЗДАТЕЛЬСТВО SKLENĚNÝ MŮSTEK

Ваша книга -
здесь и сейчас!

HOROVA 12, KANCELÁŘ Č. 220
360 01 KARLOVY VARY, ČR
KONTAKT@SKLENENYMUSTEK.CZ
+420 774 799 444
+420 353 223 292

ČESKÁ HVĚZDA
- četnost vydávání - měsíčník
- místo vydávání - Karlovy Vary
- evidenční číslo z MKČR: E 20834
Vydává Skleněný můstek s.r.o.
Vítězná 37/58, Karlovy Vary
PSČ 360 09 IČO: 29123062
DIČ: CZ29123062

Все права авторов охраняются законом об авторском праве. Копирование, публикация и другое использование произведений и их частей без согласия автора преследуется по закону.

